

Источник: Усмирение своенравной. Комедия в пяти действиях. Перевод А. Островского // Шекспир В. Полное собрание сочинений В. Шекспира в переводе русских писателей: В 3 т. / Под ред. Д. Михаловского. СПб., 1899. Т. 1. С. 467-504.

467

УСМИРЕНИЕ СВОЕНРАВНОЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Усмирение Своенравной» появилось в печати в числе других шекспировых пьес не ранее, как в издании 1623 года. Достоверно известно, что эта комедия до 1623 года напечатана не была. Это обстоятельство, однакоже, не помешало комментаторам Шекспира, после долгих изысканий и споров, отнести «Усмирение Своенравной» к концу первого периода его литературной деятельности. Сюжет комедии был чрезвычайно популярен и в до-шекспировском периоде английской литературы, судя по тому, что во второй половине XVI века он был несколько раз обработан (между прочим, даже в 1594 году, каким-то безыменным автором). Нет никакого сомнения в том, что Шекспир воспользовался одною из таких уже готовых комедий, изменив в ней только главную интригу; такое предположение особенно ясно подтверждается резкою разницею в относительном эстетическом достоинстве между сценами главными, в которых являются Петручио и Катарина — главные действующие лица комедии — и между сценами побочными, в которых участвуют второстепенные лица. Очевидно, что Шекспир приложил свою руку только к обработке этих двух важнейших ролей, которые действительно вышли превосходны, между тем как все прочее осталось слабым, растянутым, местами даже просто скучным. Игривое и полное чисто-народного юмора вступление, прибавленное Шекспиром к его «Усмирению Своенравной», также не изобретено им, как не изобретен им сюжет самой комедии. В известном сборнике арабских сказок, «Тысяча и одна Ночь», помещен рассказ о чудесном пробуждении, весьма похожий по подробностям на основу вступления в шекспировой комедии. Калиф Гарун-Эль-Рашид, желая вознаградить некоего Абуль-Гасана за то, что хорошо провел с ним время, усыпляет его, велит его перенести во дворец — и Абуль-Гасан просыпается там среди блеска и великолѣпія калифскаго дворца, среди услуг и раболѣпія придворных, евнухов и невольниц, всеми привѣтствуемый, по наущению Гаруна-Эль-Рашида, как калиф, повелитель всѣх правовѣрных. В течение цѣлаго дня Абуль-Гасан оставляет в этом сладком заблуждении, среди роскоши и утѣхъ, и дают ему даже возможность привести в исполнение чрезъ посредство высших чиновъ государства, которые должны повиноваться ему по волѣ калифа, некоторыя

прихоти: напрімѣрь, послать денегъ матери, выгнать изъ того околотка, гдѣ находился домъ Абуль-Гасана, того имама и тѣхъ шейховъ, которые постоянно мѣшали ему веселиться въ его домѣ, жалуясь на него городскимъ властямъ, какъ на нарушителя городского спокойствія, и такъ далѣе. Затѣмъ, накормивъ и напоивъ Абуль-Гасана досыта, калифъ опять его усыпляетъ соннымъ зельемъ и велитъ отвезти къ нему въ домъ.

Въ «Достойныхъ удивленія и примѣчанія Исторіяхъ» Гуларта, напечатанныхъ въ 1607 году, въ переводѣ Гримстона, находится слѣдующій рассказъ о Филиппѣ Добромъ, герцогѣ бургундскомъ, заимствованный изъ IV книги Гейтерова полного собранія бургундскихъ историковъ.

«Филиппъ, прозванный Добрымъ, герцогъ бургундскій, еще на памяти нашихъ предковъ, будучи въ Брюсселѣ со всѣмъ дворомъ своимъ и проходя однажды по улицамъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ любимцевъ, наткнулся на простого ремесленника, который, въ пьяномъ видѣ, лежалъ на мостовой и громко храпѣлъ. Принцу вздумалось въ лицѣ этого ремесленника

468

показать примѣръ суетности нашей жизни, о чемъ онъ незадолго передъ тѣмъ разсуждалъ со своими друзьями, а потому онъ и приказалъ поднять его и снести въ свой дворецъ; тамъ велѣлъ онъ положить его на одну изъ богатѣйшихъ кроватей, дать ему великолѣпный ночной колпакъ и, снявъ съ него грязное и толстое бѣлье, надѣтъ на него бѣлье изъ лучшаго и тончайшаго голландскаго полотна. Когда пьяный отрезвился и проснулся, то, открывъ глаза, увидѣлъ, что къ его постели подходятъ слуги и пажи, поднимаютъ пологъ, кланяются ему, снимая шляпы, и весьма любезно спрашиваютъ его, не угодно ли ему встать, и какой нарядъ угодно будетъ ему надѣтъ. Приносятъ и богатый нарядъ. Бѣднякъ, пораженный всѣмъ, что его окружало, далъ себя и причесать, и нарядить, самъ не понимая: во снѣ ли онъ видитъ всѣ эти блага, или на яву? Его вывели въ другую комнату, гдѣ знатные люди и придворные встрѣтили его съ поклонами и повели въ церковь; тамъ, по выслушаніи обѣдни, поднесли ему поцѣловать Евангеліе и крестъ, какъ обыкновенно подносили самому герцогу. Отъ обѣдни повели опять *новаго герцога* во дворецъ; подали ему воды, чтобы вымыть руки, а потомъ посадили за прекрасно убранный и заставленный кушаньями столъ. Послѣ обѣда главный камергеръ приказалъ принести карты и множество денегъ. Оторопѣвшаго *герцога* заставили играть въ карты съ первѣйшими придворными лицами, потомъ гулять по саду, охотиться и съ собаками, и съ соколами. Затѣмъ, по возвращеніи во дворецъ, посадили его ужинать. Зажгли свѣчи, музыка заиграла; послѣ того какъ столы были убраны, дамы и мужчины стали танцовать и кружиться передъ герцогомъ-ремесленникомъ, у котораго и безъ того кружилась голова отъ всего, что происходило передъ его глазами. Послѣ того, въ его же присутствіи и для его же увеселенія, *сыграна была веселая комедія*, за которою послѣдовалъ пиръ съ такимъ изобиліемъ всякихъ угощеній и винъ, что *новый герцогъ* очень скоро опьянѣлъ и впалъ въ

глубочайшій сонъ. Тогда его переодѣли въ его старое тряпье, и отнесли на ту самую улицу, на которой онъ былъ отысканъ наканунѣ. Тамъ и провелъ онъ остатокъ ночи. Проснувшись поутру, онъ сталъ припоминать все, что съ нимъ происходило, и никакъ не могъ себѣ дать положительнаго отчета въ томъ: дѣйствительно ли все, что онъ припоминалъ, случилось съ нимъ на яву, или только причудилось съ пьяныхъ глазъ? Наконецъ, онъ пришелъ, однакоже, къ тому заключенію, что все это онъ видѣлъ во снѣ, и рассказывалъ впослѣдствіи этотъ сонъ и женѣ, и дѣтямъ, и сосѣдямъ, нимало не предполагая въ немъ какой бы то ни было связи съ дѣйствительностью».

Въ сборникѣ новеллъ Страпаролы существуетъ нѣчто подобное основному содержанию «Усмиренія Своенравной», хотя и можно утверждать положительно, что Шекспиръ не былъ непосредственно знакомъ съ новеллой, а заимствовалъ свой сюжетъ изъ тѣхъ обработокъ новеллы, которыхъ извѣстно было нѣсколько еще и до конца XVI столѣтія. Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе новеллы:

«Въ Корнетто, въ Папской Области, жили двое названныхъ братьевъ, по имени Пизардо Сильверіо, которые были преданы другъ другу не менѣе, чѣмъ родные братья. Младшій изъ нихъ, Сильверіо, женился на Спинеллѣ, дочери портного, дѣвушкѣ красивой и весьма привлекательной, но вспыльчивой и своенравной. Съ перваго же дня женитьбы Сильверіо, ослѣпленный красотой жены, поддался ей совершенно и, постоянно ей уступая, до того развилъ въ ней стремленіе къ преобладанію въ домѣ, что, наконецъ, она не позволяла ему сказать ни слова, на каждомъ шагу перечила ему и показывала открыто, что нимало не уважаетъ ни его, ни его приказаній. Вскорѣ послѣ того женился и Пизардо на другой дочери портного, Фіореллѣ, которая была не менѣе красива, но и не менѣе своенравна, чѣмъ Спинелла. Тотчасъ послѣ свадьбы, введя жену въ свой домъ, Пизардо схватилъ два пучка розогъ и пару штановъ, и все это принесъ къ женѣ своей. «Ну, Фіорелла — сказалъ онъ — давай драться за эти штаны; кто кого побьетъ, тотъ и носи ихъ потомъ, и владѣй всѣмъ домомъ». Фіорелла отвѣчала ему: «тебѣ болѣе пристало носить штаны, чѣмъ мнѣ, а потому и пользуйся въ домѣ тѣми преимуществами, которыя ты съ ними соединяешь». — «Ну, смотри же — сказалъ ей на это Пизардо — ты сама признала за мною старшинство въ домѣ, такъ ужъ и повинуйся же мнѣ во всемъ безпрекословно». За этимъ онъ сдалъ ей на руки все свое хозяйство и все имущество, и, показывая ей весь свой домъ, привелъ ее, наконецъ, въ конюшню, гдѣ въ нѣсколькихъ стойлахъ стояли прекрасныя лошади Пизардо. Взявъ въ руки кнутъ, Пизардо показалъ женѣ своей, какъ лошади его знали и до какой степени его боялись; когда же одна изъ нихъ заупрямилась и не хотѣла слушаться кнута, Пизардо вдругъ выхватилъ шпагу и закололъ ее. Женѣ Пизардо стало жалко лошади, и она спросила мужа, что побудило его поступить съ лошадыю такъ жестоко. Пизардо отвѣчалъ ей грозно: «такъ поступаю я со всѣми, кто ѣстъ мой хлѣбъ и не повинуется мнѣ!» Поступокъ Пизардо съ лошадыю и этотъ грозный отвѣтъ такъ напугалъ бѣдную

Фіореллу, что у ней пропала охота упрямиться, и она постоянно смотрѣла мужу въ глаза, стараясь предупредить его желанія, а потому и онъ былъ съ нею хорошъ и ласковъ, и они жили въ полномъ счастіи и довольствѣ, между тѣмъ какъ Спинелла и Сильверіо постоянно тяготились своими неравными отношеніями. Сильверіо, любуясь счастіемъ своего названнаго брата, у котораго онъ бывалъ очень часто въ гостяхъ, не утерпѣлъ, и спросилъ его однажды, какимъ образомъ удалось ему установить въ домѣ такой порядокъ и стать въ такія правильныя отношенія къ женѣ? На это Пизардо, безъ всякаго измѣненія, разсказалъ ему все то, что мы привели выше. И вотъ Сильверіо задумалъ такимъ же точно образомъ достигнуть преобладанія въ домѣ. Возвратясь домой, Сильверіо точно такъ же предложилъ женѣ подраться съ нимъ за штаны, на что она ему отвѣчала бранью и насмѣшками, потомъ свелъ онъ ее въ конюшню, хлесталъ тамъ лошадей своихъ кнутомъ, потомъ даже и убилъ одну изъ нихъ. «Что ты, съ ума, что ли, сошелъ?» спросила его жена. «Нѣтъ», отвѣчалъ Сильверіо: «не съ ума сошелъ я, а только хочу показать тебѣ, что такъ думаю поступать со всѣми, кто ѣсть мой хлѣбъ и не хочетъ меня слушаться!» — «Дурень ты, дурень!» сказала ему на это Спинелла: «поздно ты вздумалъ взяться не за свое дѣло! Ты думаешь, всѣ такъ же будутъ глупы, какъ та лошадь, которую ты убилъ, и дадутъ тебѣ волю собою распоряжаться? Раньше бы долженъ былъ ты объ этомъ позаботиться; а теперь ужъ изъ хряща давнымъ давно образовалась кость, и ты ужъ ничѣмъ не измѣнишь своего положенія».

Отъ содержанія послѣдней новеллы Шекспиръ въ основной интригѣ своей комедіи (въ отношеніяхъ Катарины и Петручіо) отступилъ въ очень немногомъ. Многіе находили, что онъ смягчилъ характеръ Катарины; но мы и этого не находимъ, потому что характеръ «Своенравной» и въ новеллѣ представленъ вовсе не отталкивающимъ. Спинелла — просто капризная женщина, избалованная слабостью мужа, а ничуть не фурія-Ксантиппа. Разница между новеллой Страпаролы и шекспировой комедіей гораздо болѣе заключается въ вѣчномъ стремленіи Шекспира къ разнообразію и пестротѣ дѣйствія, которое онъ опуталъ множествомъ побочныхъ интригъ и обставилъ цѣлою толпою лицъ. Впрочемъ, мы уже упомянули выше, что всѣ эти побочныя интриги далеко уступаютъ главной по своему эстетическому достоинству. «Усмиреніе Своенравной», по нашему мнѣнію, занимаетъ между комедіями точно такое же место, какое «Троиль и Крессида» между драмами Шекспира. Какъ послѣдняя, драма имѣла значеніе чисто временное, такъ и «Усмиреніе Своенравной» могло быть понятно, забавно и близко только шекспировымъ современникамъ, которые способны были вѣрить въ возможность исправленія и перевоспитанія женъ при помощи крутого обращенія и строгихъ мѣръ. Вообще, несмотря на громадную разницу въ степени развитія образованности и общественности между англичанами и русскими начала XVII вѣка, современники Шекспира были, однакоже, какъ нельзя болѣе склонны сочувствовать правиламъ «Домостроя», потому что отношенія между мужемъ и женой, между главой и остальными членами семейства, точно такъ же, какъ на Руси въ XVII вѣкѣ, основывались и въ Англіи

исключительно на страхъ и запугиваніи. Великій геній, создавшій столько высокихъ, чистыхъ и прекрасныхъ женскихъ типовъ, заплатилъ въ «Усмиреніи Своенравной» весьма естественную дань времени, которое еще давало такой широкій просторъ власти мужа надъ женою, считало мужчину представителемъ всѣхъ лучшихъ, и благороднѣйшихъ сторонъ человѣка, а въ женщинѣ видѣло только игрушку, созданную для его забавы или для исполненія его прихотей.

Со включеніемъ напечатаннаго въ нашемъ изданіи перевода А. Н. Островскаго всѣхъ переводовъ «Укрощенія Строптивой» было четыре. Вотъ ихъ полный титуль:

1) Укрощеніе Строптивой. Шекспира. Переводъ съ англійскаго В. Кетчера. («Шекспиръ» 1843, ч. IV, выпускъ, 13, стр. 1—112). Прозаическій переводъ.

То же. (Изданіе второе. 1864, ч. IV, стр. 1—95).

2) Образумленная злая жена. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненія Шекспира. Переводъ съ англійскаго. («Сынъ Отечества», 1849, № I, отд. IV, стр. 1—102). Прозаическій переводъ. Имени переводчика не означено.

3) Усмиреніе Своенравной. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Переводъ А. Н. Островскаго. («Современникъ», 1865, т. CXI, № 11 и 12, стр. 15—120).

4) Усмиреніе Своенравной. Шекспиръ, въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.

470

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БАПТИСТА — богатый падуанскій дворянинъ.

ВИНЦЕНЦІО — старый дворянинъ изъ Пизы.

ЛЮЧЕНЦІО — сынъ его влюбленный въ Бьянку.

ПЕТРУЧІО — дворянинъ веронскій, женихъ Катарины.

ГРЕМІО } женихи

ГОРТЕНЦІО } Бьянки.

ТРАНІО }

БІОНДЕЛЛО } слуги Люченціо.

ГРУМІО }

КУРТИСЬ } слуги Петручіо.

Старый педантъ, представляющій Винченціо.

КАТАРИНА }

БЬЯНКА } дочери Баптисты.

Вдова.

Портной и разносчикъ.

Слуги Баптисты и Петручіо.

Дѣйствіе происходитъ частью въ Падуу, частью въ загородномъ домѣ Петручіо.

Дѣйствующія лица въ прологѣ.

Лордъ.

Христофоръ Сляй — пьяный мѣдникъ.

Хозяйка.

Пажъ.

Актеры.

Охотники и слуги, сопровождающіе лорда.

ПРОЛОГЪ.

СЦЕНА I.

У дверей кабака. Открытая мѣстность.

Входятъ Хозяйка и Сляй.

Сляй. Ей-Богу, я тебя отдую.

Хозяйка. Въ колодки бы тебя, мошенника!

Сляй. Ахъ, ты сволочь! Сляи никогда не были мошенниками; справься со старыми лѣтописями: мы пришли въ Англію съ Ричардомъ-Завоевателемъ. Поэтому — *paucas pallabris*; пускай все идетъ своимъ чередомъ! *sessa!*

Хозяйка. Такъ ты не заплатишь мнѣ за разбитую посуду?

Сляй. Ни денежки. Ступай, ради святого Иеронима, ложись въ холодную постель и погрѣйся тамъ.

Хозяйка. Ну, такъ я знаю средство: я приведу десятскаго. *(Уходитъ.)*

Сляй. Хоть десятскаго, хоть сотскаго, хоть тысяцкаго: я знаю, что отвѣчать по закону. Я, братецъ, ни на вершокъ не сдвинусь съ мѣста! Пусть ихъ приходять на здоровье.

(Ложится на землю и засыпаетъ. Слышенъ звукъ охотничьихъ роговъ.)

Входятъ Лордъ въ охотничьемъ платьѣ.

Слуги и Охотники.

Лордъ.

Ты, доѣзжачій, береги собакъ-то!
Веселый гончій выбился изъ силъ;
А Злобнаго сосворить бы съ Горланомъ.
А видѣлъ ты, какъ Серебро махнулъ
Въ углу у тына ужъ остывшимъ слѣдомъ?
Давай мнѣ двадцать фунтовъ — не продамъ!

1-й Охотникъ.

Милордъ, Звонокъ ничѣмъ его не хуже:
Онъ лаялъ, даже потерявши слѣдъ,
И находилъ его опять два раза.
Повѣрьте мнѣ, онъ — лучшая собака.

Лордъ.

Ты, братецъ, глупъ. Будь Эхо побыстрѣй —
Онъ стоилъ бы двѣнадцати Звонковъ.
Корми ихъ лучше, вообще заботься:
Мы завтра тоже ѣдемъ на охоту.

1-й ОХОТНИКЪ.

Не безпокойтесь, сударь.

ЛОРДЪ.

Это что?
Мертвецъ иль пьяный? Дышетъ, посмотри-ка!

2-й ОХОТНИКЪ.

Онъ дышетъ, лордъ. Но не нагрѣйся пивомъ —
Въ такой постели крѣпко не заснулъ бы.

ЛОРДЪ.

Безпутный скотъ: разлегся, какъ свинья.

471

О, смерть, подобіе твое такъ гадко!
Ребята, надо пошутить съ пьянчугой!
Что, если бъ вы снесли его въ постель —
Да въ тонкое бѣлье — на пальцы перстни,
Къ кровати ближе — добрую закуску,
А подлѣ — слуги. Нищій нашъ, проснувшись,
Пожалуй, и себя узнать не сможетъ?

1-й ОХОТНИКЪ.

Да непременно. Вѣрьте, не узнаетъ.

2-й ОХОТНИКЪ.

Вотъ странное-то будетъ пробужденье!

ЛОРДЪ.

Мечтаньемъ, сномъ покажется ему.
Продѣлайте же эту штуку тоньше:
Его снесите тихо въ лучшій мой покой;
Развѣсьте соблазнительныхъ картинокъ;
Башку ему водой обмойте теплой;
Смолой пахучей надушите въ спальнѣ.
Готовьте музыку — и лишь проснется,
Чтобъ издавала сладостные звуки.
Лишь ротъ разинетъ, всѣ вы въ струнку живо,

И съ низкимъ и почтительнымъ поклономъ
Скажите: «что угодно вашей чести?»
Тотъ — съ тазомъ стой серебрянымъ, наполнивъ
Его цвѣтами съ розовой водой,
Другой: — кувшинъ неси; салфетку третій:
Моль «не угодно ль вашей чести мыться?»
Одинъ внесетъ роскошныя одежды
И спросить: «что надѣть угодно будетъ?»
Другіе скажутъ про собакъ, про коней
И что его болѣзнь жену печалить.
Сказать ему, что онъ съ ума сходилъ,
А вспомнить, кто онъ — говорить, что бредить,
Что онъ не кто другой, а славный лордъ.
Устройте это хорошенько, братцы!
Отличная у насъ забава будетъ,
Коль вы скромненько дѣло поведете.

1-й ОХОТНИКЪ.

Милордъ, повѣрьте, мы сыграемъ роли
Съ такою скромностью, что онъ повѣритъ,
Что онъ тотъ самый, какъ ему сказали.

ЛОРДЪ.

Берите же, несите полегоньку —
И по мѣстамъ, лишь только онъ проснется.

(Сляя уносятъ. Трубы.)

Что тамъ за трубы — погляди поди!
Ужь, вѣрно, лордъ какой-нибудь желаетъ
Здѣсь отдохнуть, проѣздивши весь день.

Входитъ СЛУГА.

ЛОРДЪ.

Ну, кто же?

СЛУГА.

Съ позволенья вашей чести,
Актеры предлагаютъ вамъ услуги.

ЛОРДЪ.

Ну, пусть они войдутъ.

Входятъ АКТЕРЫ.

ЛОРДЪ.

Здорово, братцы!

АКТЕРЫ.

Благодаримъ покорно вашу милость.

Лордъ.

Хотите вы здѣсь на ночь оставаться?

Актеры.

Угодно ль вамъ, а мы служить готовы.

Лордъ.

Я радъ. Мнѣ помнится, вотъ этотъ парень
Игралъ однажды фермерскаго сына:
Ты волочился, помнишь, за дворянкой.
Забылъ, какъ звать тебя, но въ этой роли
Игралъ ты просто и съ большимъ талантомъ.

1-й актеръ.

Вы говорить изволите про Сото.

Лордъ.

Да, правда. Ты сыгралъ его отлично.
Какъ разъ вы во-время ко мнѣ попали;
Тѣмъ болѣе, что я придумалъ шутку,
Въ которой вы мнѣ можете помочь.
Вы будете играть предъ важнымъ лордомъ;
Но я боюсь, друзья, за вашу скромность,
Что, видя странные его поступки —
Онъ никогда не видывалъ театра —
Вы не удержите себя отъ смѣха
И тѣмъ его обидите; вы знайте,
Что онъ разсердится при вашемъ смѣхѣ.

1-й актеръ.

Не бойтесь, ваша честь, не засмѣмся,
Будь онъ чудакомъ забавнѣйшимъ на свѣтѣ.

Лордъ.

Эй, малый, проводи ихъ до буфета
И угости, какъ можно, порадушнѣй!
Что есть у насъ — давай имъ безъ отказа.

(Актеры и одинъ изъ слугъ уходятъ.)

А ты скажи пажу Варфоломею,
Чтобъ одѣвался въ женскую одежду;
Когда же онъ одѣнется, веди къ пьянчугѣ,
Зови его почтительно «madame»;
Скажи, что если заслужить онъ хочетъ
Любовь мою, чтобъ вель себя прилично

Какъ замѣчалъ онъ въ благородныхъ дамахъ,
Какъ тѣ ведутъ себя передъ мужьями,
И онъ бы такъ же обходился съ пьянымъ.
Пусть скажетъ нѣжнымъ голосомъ учтиво:
«Что приказать угодно вашей чести,
Чтобы могла я, нѣжная супруга,
Исполнить долгъ и доказать любовь?»
Пусть, нѣжно обнимая и цѣлуя,
И голову склонивъ къ нему на грудь,
Онъ проливаетъ радостныя слезы,
Что мужъ избавился отъ той болѣзни,
Въ которой онъ считалъ себя напрасно
Два семилѣтїя бѣднѣйшимъ нищимъ.
А если мальчикъ не имѣетъ женской

472

Способности когда угодно плакать,
Головка луку очень помогаетъ:
Въ платокъ его припрятать хорошенько,
Тогда глаза заплачутъ поневолѣ.
Смотри же, кончи поскорѣй, какъ можно,
Потомъ еще получишь приказанье.

(Слуга уходитъ.)

Я знаю, мальчикъ очень ловко приметъ
И женскій видъ, и поступь, и наружность.
Послушать бы, какъ пьяницу онъ будетъ
Звать мужемъ; какъ отъ смѣха удержаться
Стараться будутъ люди, угождая
Почтительно простому мужику.
Пойду еще ихъ поучу: со мною
Они умѣрятъ лишнюю веселость,
А то, пожалуй, выйдутъ изъ границъ.

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

Спальня въ домѣ лорда.

Сляй — въ роскошномъ платьѣ; кругомъ Слуги: одинъ держитъ платье,
другіе тазъ, рукомойникъ и прочіе принадлежности.

Входитъ Лордъ, одѣтый слугою.

Сляй.

О, ради Бога, кружку пива мнѣ!

1-й СЛУГА.

Милордъ, угодно сладкаго вина?

2-й СЛУГА.

Варенья вашей чести не угодно ль?

3-й СЛУГА.

Какое платьѣ вамъ надѣть угодно?

Сляй. Я Христофоръ Сляй — не зовите меня ни лордомъ, ни вашей честью. Я въ жизни моей не пилъ сладкаго вина, а что касается варенья, то дайте мнѣ варенья изъ говядины. Не спрашивайте меня никогда, какое платьѣ я надѣну, потому что у меня кафтановъ не больше, чѣмъ спинъ, чулокъ столько, сколько икръ, а башмаковъ — сколько ногъ; да еще иногда ногъ бываетъ больше, а то такъ башмаки такіе, что сквозь нихъ пальцы видны.

Лордъ.

О, небо прекрати его безумство!
Могучій лордъ извѣстнѣйшаго рода,
Съ такимъ владѣніемъ, съ такимъ почетомъ —
И о себѣ такъ низко помышляетъ!

Сляй. Что такое? Вы хотите свести меня съ ума. Развѣ я не Христофоръ Сляй, сынъ стараго Сляя, изъ Буртонской пустыни, родомъ разносчикъ, по воспитанію чесальщикъ, по обстоятельствамъ вожакъ медвѣдей, а теперь мѣдникъ. Спросите Маріанну Гаккетъ, тостую цѣловальничиху въ Винкотъ, знаетъ ли она меня. Если она не считаетъ за мной четырнадцати пенсовъ за пиво, то считайте меня самымъ лживымъ мерзавцемъ во всемъ христіанствѣ. Не съ ума же я сошелъ! Вотъ...

1-й СЛУГА.

Вотъ это и печалитъ вашу лэди.

2-й СЛУГА.

Вотъ оттого и слуги ваши плачутъ.

Лордъ.

Вотъ отчего не ѣздить къ вамъ родные,
Испуганные вашимъ сумасбродствомъ.
Вы вспомните свое происхождение,
Къ себѣ верните прежній образъ мыслей
И прогоните сны пустыи.
Взгляните, вотъ: готовы ваши слуги —
Всѣ по мѣстамъ, ждутъ вашего кивка.
Вамъ музыки? — Такъ слушайте, играетъ
Самъ Аполлонъ и соловьи поютъ. (Музыка.)

Угодно спать? Проводимъ васъ въ постелю,
Которая и мягче, и покойнѣй
Семирамиды сладострастныхъ ложъ.
Гулять угодно? — мы цвѣты разсыплемъ;
Кататься? — на коня сѣдло надѣнемъ
И съ жемчугами золотую сбрую.
Поѣхать съ соколами? Есть они
И понесутся жаворонковъ выше.
Охотиться? — собаки громкимъ лаемъ
Наполняютъ воздухъ, а пещеры — эхомъ.

1-й СЛУГА.

Гонять звѣрей? — борзья ваши скоры,
Быстрѣй оленей, легче дикихъ козъ.

2-й СЛУГА.

Картины любите? — мы вамъ покажемъ
Надъ ручейкомъ журчащимъ Адониса
И Цитерею въ гибкомъ тростникѣ,
Который движется ея дыханьемъ,
Какъ на игривомъ вѣтеркѣ осока.

ЛОРДЪ.

Покажемъ Ю: нѣжная дѣвица
Взята обманомъ и обольщена.
Написано такъ живо, какъ на дѣлѣ.

3-й СЛУГА.

Иль Дафну, какъ бѣжитъ въ лѣсу тернистомъ:
Вотъ, кажется, что брызнетъ кровь изъ ногъ —
И плачетъ Аполлонъ при этомъ видѣ:
Такъ живо писаны и кровь, и слезы.

ЛОРДЪ.

Вы знатный лордъ и ничего другого.
У васъ жена красивѣе гораздо
Другихъ всѣхъ женщинъ въ этотъ вѣкъ упадка.

1-й СЛУГА.

Покуда слезы о болѣзни вашей
Еще лица ея не наводняли,
Она была прекраснѣй всѣхъ на свѣтѣ,
Да и теперь едва ль кому уступить,

Сляй.

Я лордъ? и у меня жена такая?
Или я грежу? иль я прежде грезилъ?
Нѣтъ, я не сплю: я слышу, говорю,
Я чую запахъ, осязаю ложе.
Ей-Богу, я и въ самомъ дѣлѣ лордъ.
Не мѣдникъ же, не Христофоръ же Сляй!
Такъ приведите на глаза супругу
И все жъ таки, подайте кружку пива.

2-й СЛУГА.

Угодно вашей чести вымыть руки?
(Слуги подносятъ тазъ, рукомойникъ и полотенце.)
О, какъ мы рады, видя васъ здоровымъ!
О если бъ вы опять пришли въ себя!
Пятнадцать лѣтъ во снѣ вы проводили
И, просыпаясь, были, какъ во снѣ.

Сляй.

Пятнадцать лѣтъ! Ей-Богу, сонъ недурень:
Но развѣ я не говорилъ ни слова?

1-й СЛУГА.

Какъ можно! Только странны были рѣчи.
Вы, лежа въ этой комнатѣ прекрасной,
Сказали, будто васъ толкали въ шею
На улицу, ругались съ хозяйкой
И въ судъ ее потребовать хотѣли;
Что у нея посуда безъ печатей;
Упоминали про Сесилью Гаккетъ.

Сляй.

А это — дѣвушка изъ кабачка.

1-й СЛУГА.

Ни дѣвка, ни кабакъ вамъ неизвѣстны,
И ни одинъ изъ тѣхъ, что называли,
Ни Стефанъ Сляй, ни старый Джонъ Напсъ-Грисъ,
Ни Питеръ Торфъ, ни Генри Пимпернель
И больше двадцати именъ подобныхъ.
Ихъ нѣтъ на свѣтѣ, и никто не знаетъ.

Сляй.

Я поправляюсь — ну и славу Богу!

Всѣ.

Аминь.

Сляй (*слугъ*).

Спасибо, и тебѣ не будетъ хуже.

Входитъ ПАЖЪ въ женскомъ платьѣ.

ПАЖЪ.

Здоровье ваше, благородный лордъ?

Сляй.

Да ничего; кругомъ ѣды довольно.

А гдѣ жъ жена?

ПАЖЪ.

Здѣсь, благородный лордъ. Что вамъ угодно?

Сляй.

Вы мнѣ жена, а не зовете мужемъ.

Для слугъ я точно лордъ, а вамъ — хозяйнѣ.

ПАЖЪ.

Владыка мой и мужъ, мужъ и владыка,

Я ваша всепокорная жена.

Сляй.

Да знаю. А какъ звать ее?

Лордъ.

Madame.

Сляй.

Да какъ madame-то? Элиссъ, или Джоэнь?

Лордъ.

Madame — и только: такъ зовутъ всѣ лорды.

Сляй.

Madame-жена, вотъ говорятъ — я грезилъ

И спалъ безъ малаго пятнадцать лѣтъ.

ПАЖЪ.

Мнѣ это время за тридцать казалось,

Изгнанницѣ супружескаго ложа.

Сляй.

Ужъ это слишкомъ! Слуги, насъ оставьте!

Такъ раздѣвайтесь и ложитесь рядомъ.

ПАЖЪ.

О, трижды благородный лордъ, прошу васъ
Меня уволить на одну-двѣ ночи
Или хоть только до заката солнца.
Мнѣ доктора велѣли непременно,
Чтобъ не подвергнуть васъ болѣзни прежней,
Чтобъ я не раздѣляла съ вами ложа.
Надѣюсь, извинительна причина.

Сляй. Ну, въ настоящемъ положеніи мнѣ довольно трудно ждать, но мнѣ не хотѣлось бы впасть въ прежнюю болѣзнь: поэтому подождемъ, несмотря на вашу плоть и кровь.

Входитъ СЛУГА.

СЛУГА.

Актеры, слыша, что вамъ легче стало,
Пришли сыграть веселую піесу —
Такъ приказали ваши доктора,
Замѣтивъ, что печаль вамъ кровь сгущаетъ,
А скука къ помѣшательству ведетъ;
Совѣтъ ихъ вамъ такой: игру послушать
Настроить умъ на радость и веселье,
Что бережетъ и продолжаетъ жизньъ.

Сляй. Хорошо, пускай играютъ. Что такое — «пиреса», рождественскій фарсъ или скоморошество?

ПАЖЪ.

Нѣтъ, ихъ матерія повеселѣе.

Сляй.

Какая же матерья — скатерть, что ли?

ПАЖЪ.

Какая-то исторія, милордъ.

Сляй.

Ну, поглядимъ! Madame-жена, со мной садитесь.
Мы молоды разъ въ жизни. Будь что будетъ. (*Садятся.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Падуя. Площадь.

Входят Люченціо и Траніо.

Люченціо.

Ты знаешь, Траньо, слѣдуя желанью
Увидѣть Падую, наукъ питомникъ,
Въ цвѣтушую Ломбардію я прибылъ,
Веселый садъ Италіи великой.
Любовь и позволеніе отца,
Его согласіе съ моимъ желаньемъ,
Твое сообщество, слуга мой вѣрный,
Испытанный, напутствіемъ служили
Въ моей дорогѣ: здѣсь мы поселимся
И въ добрый часъ занятія начнемъ.
Я свѣтъ увидѣлъ въ Пизѣ, знаменитой
Гражданами почтенными, живетъ
Отецъ мой тамъ, купецъ изъ первыхъ въ мірѣ,
Винченціо, изъ рода Бентиволи.
Винченцьо сынъ, Флоренцьи питомецъ,
Обязанъ оправдать его надежды
И добрыми дѣлами увѣнчать
Его богатство. Съ этой цѣлью, Траньо,
Рѣшился я своихъ занятій время
Ученью добродѣтели отдать
И мудрости, которая насъ учитъ
Черезъ добродѣтель счастья достигать.
Что скажешь ты? Я въ Падую пріѣхалъ,
Покинувъ Пизу, какъ пловецъ отважный,
Который въ глубь плыветъ изъ мелководья,
Чтобы полнѣе жажду утолить.

Траніо.

Mi perdonate, мой синьоръ. Я тоже
Согласенъ съ вами; даже очень радъ,
Что вы рѣшились мудрости сладчайшей
Всею сладостью насытиться; однако
Остережемся, добрый мой синьоръ,
Чтобъ, нравственную мудрость изучая,
Не стать ни стойками, ни столбами,
Чтобъ, Аристотелю вполнѣ отдавшись,
Овидія проклятью не предать.
Не угнетайте логикой друзей,
Въ простые разговоры не пускайте
Риторики прикрасъ. Одушевляйте
Поэзіей и музыкой себя,
А метафизикой вы занимайтесь
И математикой безъ принужденья:
Что непріятно, то и не полезно.

Тому учитесь, что по сердцу вамъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Спасибо, Траньо: твой совѣтъ хорошъ.
Будь Біонделло здѣсь, ужъ мы давно бы
Устроились и наняли квартиру
Приличную, чтобъ принимать друзей,
Которыхъ въ Падуѣ пріобрѣту я.
Постой! гляди, что за люди подходятъ?

ТРАНИО.

Не выслалъ ли ихъ городъ къ намъ для встрѣчи. (*Отходятъ.*)

Входятъ БАПТИСТА, КАТАРИНА, БЪЯНКА, ГРЕМИО и ГОРТЕНЗИО.

БАПТИСТА.

Нѣтъ, господа, вы мнѣ не докучайте!
Вы знаете, что я рѣшился твердо
Дочь младшую не выдавать дотолѣ,
Пока я старшей мужа не найду.
Когда бы вы любили Катарину,
Я зная васъ, съ охотой бы дозволилъ
Ухаживать за ней, какъ вамъ угодно.

ГРЕМИО.

Ухаживать? Ее бы — уходить!
Нѣтъ, для меня она сурова очень.
А вотъ Гортензю — не возьметъ ли онъ?

КАТАРИНА.

Скажите мнѣ, какая вамъ охота
Меня приманкой ставить женихамъ?

ГОРТЕНЗИО.

Да, женихамъ, да только что не вашимъ.
Вотъ если бъ вы милѣй, любезнѣй были...

КАТАРИНА.

Нѣтъ, вы, синьоръ, меня не опасайтесь:
Вы далеки отъ сердца моего;
А будь вы близки, я бъ похлопотала,
Чтобъ голову вамъ стуломъ причесать
И, какъ шуту, вамъ рожу расписать.

ГОРТЕНЗИО.

Господь храни отъ дьявола такого!

ГРЕМИО.

Да и меня помилуй Богъ!

ТРАНІО.

Смотрите-ка, да это презабавно!
Она иль дура, или своенравна.

ЛЮЧЕНЦІО.

За то въ безмолвіи другой мнѣ ясны
Всѣ прелести души ея прекрасной.
Потише, Траньо!

ТРАНІО.

Вы правы — тише! Досыта глядите.

БАПТИСТА.

Ужъ у меня — что сказано, то свято:
За словомъ дѣло. Ну, ступай же, Бьянка,
Къ себѣ въ покои. Ты не огорчайся:
Моя любовь къ тебѣ не уменьшится.

КАТАРИНА.

Овечка кроткая, она заплачетъ;
О чемъ заплакать-то, не знаетъ только.

БЬЯНКА.

Сестрица, радуйся моей печали.
Вамъ, батюшка, охотно повинуюсь.
Мнѣ общество замѣнять — лютня, книги:
Я въ одиночествѣ займуся ими.

475

ЛЮЧЕНЦІО.

О, Траніо, я въ ней Минерву слышу!

ГОРТЕНЗІО.

Синьоръ, для насъ поступки ваши странны.
Мнѣ очень больно, что любовью нашей
Мы огорченье доставляемъ Бьянкѣ.

ГРЕМІО.

Какъ, запереть ее, синьоръ? За что же?
За дьявола? За злой языкъ одной
Наказывать другую?

БАПТИСТА.

Успокойтесь.
Мое рѣшеніе будетъ неизмѣнно.
Поди, дитя. (*Бьянка уходитъ.*)
Повѣрьте мнѣ, она со всей любовью
Поэзіей и музыкой займется.
Я приглашу учителей, способныхъ
Образовать ихъ юность. Если вы,
Гортензіо и Греміо, найдете
Такого человѣка, то пришлите.
Я знающему буду очень радъ
И ничего не пожалѣю, только бѣ
Образовать прилично дочерей.
Прощайте! ты останься, Катарина,
А я пойду да потолкую съ Бьянкой.

(*Уходитъ.*)

КАТАРИНА.

Ну, какъ же! Вотъ еще! И я пойду: вотъ мило!
Такъ временемъ моимъ располагать, какъ будто
Не знаю я, что дѣлать, что не дѣлать! Га!

(*Уходитъ.*)

ГРЕМІО. Поди хоть къ чортовой бабушкѣ. Ты такъ мила, что никто тебя удерживать не захочетъ. Любовь наша не такъ горяча, Гортензіо, чтобъ намъ дуть на пальцы. Попостимся. Пирогъ не dospѣлъ еще съ обѣихъ сторонъ. Прощайте. Какъ бы то ни было, я такъ люблю прекрасную Бьянку, что отыщу человѣка, способнаго преподавать предметы, изученіе которыхъ ей нравится, и пошлю его къ отцу ея.

ГОРТЕНЗІО. Я самъ хочу то же сдѣлать, синьоръ Греміо. Но позвольте еще одно слово. Хотя соперничество наше и не допускало насъ до разговоровъ, но вотъ вамъ мой совѣтъ, касающійся насъ обоихъ: для того, чтобъ снова имѣть свободный доступъ къ прекрасной нашей Бьянкѣ и быть счастливыми соперниками въ любви къ ней, мы необходимо должны похлопотать объ одномъ.

ГРЕМІО. Позвольте спросить, о чемъ же?

ГОРТЕНЗІО. Да о томъ, чтобы добыть мужа сестрѣ ея.

ГРЕМІО. Какого мужа? Развѣ чорта?

ГОРТЕНЗІО. Нѣтъ, мужа, говорю я.

ГРЕМІО. А я говорю — чорта! Неужели вы думаете, Гортензіо, что, при всемъ богатствѣ отца ея, найдется такой дуракъ, который женится на адѣ?

ГОРТЕНЗІО. Полноте, Греміо! Изъ того, что ни вы, ни я не можемъ выносить ея крика, еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы не нашлось молодца, который за большое приданое не побоится взять ее при всѣхъ ея недостаткахъ. Стоитъ только напасть на такого.

ГРЕМІО. Ну, не скажу. Для меня это все равно, что взять приданое съ условіемъ, что каждое утро будутъ тебя сѣчь у позорнаго столба.

ГОРТЕНЗІО. Оно, конечно, что за выборъ между гнилыми яблоками! Теперь помѣха эта сблизила насъ, потому будемъ дружны, пока същемъ мужа для старшей дочери Баптисты и дадимъ младшей свободу выйти замужъ. Тогда опять за дѣло! О, милая Бьянка. Кто счастливѣе, тому она и достанется. Кто скачетъ быстрѣе, тотъ скорѣе попадаетъ въ цѣль. Что вы скажете про это, синьоръ Греміо?

ГРЕМІО. Я согласенъ. Я подарилъ бы лучшую лошадь въ Падуѣ тому, кто осмѣлился бы выѣхать на это сватовство, кто рѣшился бы жениться на ней, раздѣлить съ нею ложе и избавить отъ нея этотъ домъ. Идемте! (*Уходятъ.*)

ТРАНІО (*выходя*).

Помилуйте, синьоръ, возможно ль это,
Чтобы любовь такъ скоро къ вамъ пристала?

ЛЮЧЕНЦІО.

О, Траніо, пока не испыталъ,
Я думалъ самъ, что это невозможно.
И вотъ, пока стоялъ я праздно глядя,
Узналъ какъ изъ праздности родится
Любовь. Тебѣ признаюсь: ты мнѣ близокъ,
Какъ Анна королевѣ карѳагенской.
Горю я, Траньо, тлѣю — я погибну,
Коль не достану этой кроткой дѣвы.
Совѣтуй мнѣ: совѣтывать ты можешь;
И помогай: ты хочешь помогать.

ТРАНІО.

Синьоръ, бранить бы васъ теперь, да поздно,
Любви не выбранишь изъ сердца. Если
Вы такъ затронуты любовью, вотъ что:
Redime te captum, quam queas minimo.

ЛЮЧЕНЦІО.

Благодарю. Ну продолжай! Я вижу,
Ты мнѣ поможешь — ты благоразумень.

ТРАНІО.

Синьоръ, глядѣли на нее вы долго,
А главное-то видѣли, аль нѣтъ?

ЛЮЧЕНЦІО.

О, да! я въ ней такую прелесть видѣлъ,
Какой дочь Агенора покорила
Юпитера, когда онъ берегъ критскій
Колѣнями своими лобызалъ.

ТРАНІО.

И только-то? Вы развѣ не видали,
Какъ старшая шумѣла? Эта буря
Для уха смертнаго невыносима.

ЛЮЧЕНЦІО.

Кораллы усть я видѣль; благовоннымъ
Ея дыханьемъ воздухъ наполнялся:
Въ ней все божественно, прекрасно было.

ТРАНІО.

Пора его въ себя привести. Очнитесь,
Синьоръ! Ужъ если полюбили вы,
Такъ ухитритесь, какъ добыть? Вотъ дѣло
Какого рода: старшая сестра
Чертовски зла; пока отецъ не сбудетъ
Ее изъ дома, вашей въ дѣвкахъ быть;
А для того, чтобы не докучали
Имъ женихи, ее онъ заперъ въ домѣ.

ЛЮЧЕНЦІО.

О, Траніо, какъ онъ жестокъ! Но развѣ
Ты не замѣтилъ, что старикъ ей хочетъ
Искуснаго учителя найти?

ТРАНІО.

Ну, какъ же, слышалъ; я и планъ составилъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Я тоже.

ТРАНІО.

Кажется, синьоръ, мы оба
Придумали одну и ту же штуку.

ЛЮЧЕНЦІО.

Скажи свою.

ТРАНІО.

Въ учителя хотите,
Въ наставники къ возлюбленной попасть —
Не такъ ли?

ЛЮЧЕНЦІО.

Такъ. Да будетъ ли возможность?

ТРАНІО.

Ну, нѣтъ, синьоръ, нельзя. А кто же будетъ
Здѣсь, въ Падуѣ, за васъ Винченцо сыномъ,
Хозяиничать, учиться, принимать
И посѣщать друзей, и угощать ихъ?

ЛЮЧЕНЦІО.

Я все придумалъ — basta, успокойся!
Насъ здѣсь пока никто еще не знаетъ;
А по лицу никакъ не распознаешь,
Кто баринъ, кто слуга. Ну и выходитъ,
Что бариномъ ты будешь за меня
И управлять всѣмъ домомъ и слугами,
А я другимъ прикинусь: флорентинцемъ,
Пизанцемъ, или неаполитанцемъ.
За словомъ дѣло! Ну, снимай же платье,
Бери мой плащъ и шляпу; Бюнделло
Твоимъ слугою будетъ; какъ пріѣдетъ,
Поворожу, такъ будетъ молчаливъ.

ТРАНІО

(мѣняясь платьемъ съ Люченціо).

Ну, будь по вашему. Вы такъ хотите,
А я во всемъ повиноваться долженъ.
«Служи ему», сказалъ мнѣ вашъ отецъ,
Когда въ дорогу отпускалъ насъ съ вами.
Конечно, онъ сказалъ не въ этомъ смыслѣ,
Но я съ охотой сдѣлаюсь Люченцо,
А потому, что я люблю Люченцо...

ЛЮЧЕНЦІО.

И потому, что и Люченцо любитъ —
Въ рабы пойду для дѣвы, взоръ которой
Очаровалъ мнѣ раненое сердце.

Входитъ Бюнделло.

ЛЮЧЕНЦІО.

Вотъ и мошенникъ здѣсь! Ну, гдѣ жъ ты былъ?

БЮНДЕЛЛО.

Гдѣ былъ-то? Вы скажите, гдѣ вы сами?
У васъ ли Траньо, вы ли у него
Украли плащъ, иль другъ у друга, что ли?

ЛЮЧЕНЦІО.

Да ты не разговаривай, мерзавецъ:

Не к стати шутки. Знай, на все есть время.
Товарищъ твой, спасая жизнь мою,
Надѣлъ мой плащъ, а я, чтобы спастися,
Надѣлъ его. Лишь только я пріѣхалъ,
Какъ вышла ссора — и убилъ я въ дракъ
Здѣсь человѣка. Я боюсь быть узнанъ.
Служи ему, какъ мнѣ — вотъ мой приказъ;
А я для своего спасенья скроюсь.
Ну, понялъ?

БІОНДЕЛЛО (*въ сторону*).

Ровнехонько ни слова.

ЛЮЧЕНЦІО.

О Траніо чтобъ не было ни слова:
Теперь въ Люченціо онъ превратился.

БІОНДЕЛЛО.

Тѣмъ лучше для него: я самъ не прочь бы.

ТРАНІО.

И я не прочь, лишь только бы Люченцьо
Умѣлъ достать меньшую дочь Баптисты.
Не для себя прошу — для господина,
Чтобъ въ обществѣ ты былъ со мной учтивѣй;
Наединѣ съ тобой — я тотъ же Траньо,
А при людяхъ я господинъ Люченцьо.

ЛЮЧЕНЦІО.

Пойдемъ же, Траньо! Стой: еще есть дѣло,
Которое исполнить ты обязанъ:
Ты долженъ тоже женихомъ явиться.
Зачѣмъ? ты спросишь — послѣ объяснится.

(*Уходитъ.*)

1-й СЛУГА.

Милордъ, вы спите? Вамъ не до піесы?

Сляй. Нѣтъ, я смотрю, клянусь святой Анной! Славная исторія, право! А что, много еще осталось?

Пажъ. Лишь только начали, милордъ.

Сляй. Вѣдь исторія важная, madame жена! Кабы только конецъ поскорѣе.

Тамъ же. Предъ домомъ Гортензіо.

Входятъ ПЕТРУЧІО и ГРУМІО.

ПЕТРУЧІО.

Съ Вероной я простился: повидаться
Съ друзьями въ Падуѣ хочу и больше
Всѣхъ съ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ мнѣ,
Гортензіо. Кажись, что этотъ домъ
Его. Валяй-ко, Груміо, у двери.

ГРУМІО. Валять, синьоръ. Мнѣ валять? Да развѣ здѣсь кто обидѣлъ вашу милость?

ПЕТРУЧІО. Мерзавецъ, развѣ ты не понимаешь меня?

ГРУМІО. Васъ, синьоръ? Да какъ же это, синьоръ? Кто же я такой, чтобъ васъ колотилъ, синьоръ?

ПЕТРУЧІО.

Мерзавецъ, колоти скорѣй, да шибче,
Иль береги свою холопью рожу.

ГРУМІО.

Мой господинъ драчунъ. Ударь-ка я хоть разъ,
Такъ послѣ самому мнѣ не уйти отъ васъ.

ПЕТРУЧІО.

Дождусь ли я? О, чортъ возьми, не хочешь
Ты колотить? Я на своемъ поставлю
И sol и fa тебя тянуть заставляю.

(Деретъ его за уши).

ГРУМІО.

Ой, помогите! Баринъ мой взбѣсился.

ПЕТРУЧІО.

Ты колоти, когда велятъ, бездѣльникъ!

Входитъ ГОРТЕНЗИО.

ГРУМІО. Что тутъ такое? въ чемъ дѣло? Старый другъ, Груміо, и мой добрый другъ, Петручіо! Ну, какъ вы всѣ поживаете въ Веронѣ?

ПЕТРУЧІО.

На нашу ссору вышли вы, не такъ ли?
Con tutto il cuore ben trovato, вамъ скажу я.

ГОРТЕНЗИО. Alla nostra casa ben venuto, molto honorato, signor mio Petruccio. Встань, Груміо, встань: мы сейчасъ помиримъ васъ.

ГРУМІО. Нѣтъ, латынь его тутъ не доказательство. Неужели жъ и теперъ я не имѣю законной причины отказаться отъ мѣста? Видите ли, синьоръ, онъ

велѣль мнѣ поколотить его, да поколотить хорошенько; а развѣ прилично слугѣ обращаться такъ съ господиномъ? Ему ужъ за тридцать, ужъ не пьянъ ли онъ, чего добраго. Ей-Богу жаль, что не былъ я смѣлѣе:

Поколотить его — такъ самъ бы былъ цѣлѣе.

ПЕТРУЧІО.

Безмозглый шутъ! Любезнѣйшій Гортензю,
Я приказалъ стучаться негодяю
У двери вашей и не могъ добиться.

ГРУМІО. У двери вашей? О, небеса! Да не сами ли вы сказали мнѣ: «колоти меня, да пошибче, бездѣльникъ!» А теперъ вотъ говорите, что приказали мнѣ стучаться въ двери.

ПЕТРУЧІО.

Молчи, иль прочь поди — вотъ мой совѣтъ.

ГОРТЕНЗІО.

Оставь, Петручю. Я вступаюсь за Грумю.
У васъ тутъ что-то странное случилось
Между тобой и старымъ вѣрнымъ Грумю.
Скажи же мнѣ, какой счастливый вѣтеръ
Васъ изъ Вероны въ Падую занесъ?

ПЕТРУЧІО.

А тотъ, который молодежь разноситъ
Искать Фортуны вдалекѣ отъ дома,
Гдѣ опытность растеть довольно туго —
Короче, другъ Гортензю, вотъ въ чемъ дѣло:
Отецъ мой умеръ; въ этотъ лабиринтъ
Я кинулся искать себѣ невѣсту,
Да попытать — не будетъ ли удачи.
Въ карманѣ кроны есть, въ дому довольство —
Вотъ я и вздумалъ свѣта поглядѣть.

ГОРТЕНЗІО.

А что, Петручю, если бъ я посваталъ
Жену тебѣ и злую, и дурную.
Ты за нее спасибо мнѣ не скажешь?
Добавить нужно, что она богата,
Богата очень. Впрочемъ, мы такъ дружны,
Что я тебѣ ее не пожелаю.

ПЕТРУЧІО.

Между друзьями много словъ не нужно —
И если на примѣтъ ты имѣешь
Богатую невѣсту для меня,
(Вѣдь мой припѣвъ для сватовства — богатство)

То будь она какъ рыцаря Флорентья
Любезная противна, какъ Сивилла
Стара, будь злѣй Сократовой Ксантиппы,
Какъ волны Адриатики сердита
Ничто меня не оттолкнетъ отъ ней.
Я въ Падую пріѣхалъ — на богатой
Жениться: если это мнѣ удастся,
То будетъ счастливъ мой сюда пріѣздъ.

Грумю. Видите ли, синьоръ, онъ вамъ откровенно говоритъ, какъ онъ думаетъ объ этомъ предметѣ. Ему дайте только золота и жените хоть на куклѣ, хоть на маріонеткѣ, хоть на старой коргѣ, у которой нѣтъ ни одного зуба, а болѣзней столько, сколько у пятидесяти-двухъ клячъ — что жъ, ему все подѣ стать, только бъ деньги были.

ГОРТЕНЗІО.

Петручъо, такъ какъ мы зашли далеко,

478

Я доскажу тебѣ, что началъ въ шутку.
Петручъо, я могу тебѣ доставить
Жену богатую и молодую,
Красавицу, съ дворянскимъ воспитаньемъ.
Одинъ порокъ у ней, но стоитъ многихъ:
Капризна, зла, сердита до того,
Что, будь мои дѣла гораздо хуже,
Я не женюсь за золотой рудникъ.

ПЕТРУЧІО.

Молчи: ты силы золота не знаешь!
Скажи — какъ звать отца: съ меня довольно.
Я все-таки хочу на ней жениться,
Греми она, какъ громъ въ осеннихъ тучахъ.

ГОРТЕНЗІО.

Отецъ ея — Баптистъ-Минолла, добрый
И очень обходительный старикъ.
Ей имя Катарина; всѣмъ извѣстенъ
Здѣсь въ Падуѣ ея языкъ задорный.

ПЕТРУЧІО.

Ее не знаю, а отецъ извѣстенъ:
Онъ былъ знакомъ съ моимъ отцомъ покойнымъ.
До той поры, пока я не увижу
Ее, я не засну. Вы извините

За неучтивость: я оставляю васъ.
Или меня проводите вы сами.

ГРУМІО. Синьоръ, пусть онъ идетъ, благо есть охота. Вотъ вамъ честное слово: узнай она его такъ хорошо, какъ я, она догадается, что бранью его не возьмешь. Скажи она ему хоть двадцать разъ «мошенника», или что-нибудь подобное, это ему ровно ничего. А ужъ когда онъ примется, такъ переберетъ всѣ брани. Я вамъ скажу, если только она свяжется съ нимъ, онъ ей пуститъ въ лицо такую фигуру и такъ ее обезфигуритъ, что ей, какъ кошкѣ, придется смотрѣть на свѣтъ, прищурившись. Вы не знаете его, синьоръ.

ГОРТЕНЗІО.

Постой, Петруччо: я пойду съ тобой.
Назаперти, подъ стражей у Баптисты,
Мое богатство, бриліантъ души —
Меньшая дочь, прелестнѣйшая Бьянка.
Онъ отъ меня ее теперь скрываетъ
И отъ другихъ, соперниковъ моихъ.
Онъ разсудилъ, что невозможно будетъ
Ему найти для Катарины мужа
При недостаткахъ, о которыхъ слышалъ
Ты отъ меня. Ну, вотъ онъ и придумалъ,
Чтобъ Бьянку не видалъ никто, покуда
Не сбудетъ съ рукъ проклятой Катарины.

ГРУМІО.

Проклятой Катарины! Это слово
Для дѣвушки не очень-то здорово.

ГОРТЕНЗІО.

Петруччо, другъ мой, окажи услугу!
Я поскромнѣй одѣнусь; ты жъ Баптистѣ
Представь меня хорошимъ музыкантомъ
И предложи въ учителя Бьянкѣ.
При этой хитрости мнѣ будетъ можно
Искать любви ея и волочиться,
Ни въ комъ не возбуждая подозрѣнья.

ГРУМІО (*въ сторону*). Развѣ это не плутни? Посмотрите, какъ молодежь сговаривается обмануть стариковъ.

Входятъ ГРЕМІО и передѣтый Люченціо, съ книгами подъ мышкой.

ГРУМІО. Синьоръ, синьоръ! оглянитесь: кто-то идетъ.

ГОРТЕНЗІО.

Потише, Грумьо: это мой соперникъ.
Петруччо, отойдемте къ сторонѣ.

ГРУМІО.

Какой еще молокососъ влюбленный!

(Отходятъ.)

ГРЕМІО.

Прекрасно: я прочелъ весь этотъ списокъ.
Отдайте прелесть, какъ можно лучше.
Однѣ любовныя читайте книги —
Смотрите же — и никакихъ другихъ.
Вы поняли? Къ тому, что дастъ Баптиста,
Добавлю щедро: вы вполнѣ довольны
Останетесь. Бумаги надуйте,
Да хорошенько: та, которой руки
Коснутся ихъ, самихъ благоуханій
Пріятнѣе. Вы что читать начнете?

ЛЮЧЕНЦІО.

Чтобъ ни читалъ, для васъ стараться буду,
Какъ покровителя — вы мнѣ повѣрьте —
И точно такъ же, будто бы вы сами;
И даже, можетъ-быть, успѣю больше,
Коль сами вы не очень изъ ученыхъ.

ГРЕМІО.

Ученость! О, какая это вещь!

ГРУМІО.

Ахъ, ты куликъ! Какой же ты осель!

ПЕТРУЦІО.

Молчи, дуракъ!

ГОРТЕНЗІО.

Молчи! (Греміо.) Синьору Гремью!

ГРЕМІО.

Радъ видѣть васъ, Гортензью. Угадайте,
Къ кому идти собираюся? Къ Баптистѣ.
Я обѣщаль ему, что позабочусь
Найти учителя прекрасной Бьянкѣ;
И вотъ, по счастью, встрѣтилъ челоувѣка,
Который по способностямъ достоинъ
Быть ей учителемъ: поэтовъ знаетъ
И разныя другія книги. Вѣрно.

ГОРТЕНЗІО.

Прекрасно! Вотъ и мнѣ попался тоже
Пріятель и взялся мнѣ отыскать

Вотъ, значить, мы другъ другу не уступимъ
Въ готовности служить любимой Бьянкѣ.

ГРЕМІО.

Любимой мной — дѣла мои докажутъ.

ГРУМІО (*въ сторону*).

И кошелекъ.

ГОРТЕНЗІО.

Теперь не время хвастать
Любовью нашей. Выслушайте только,
И я вамъ сообщу такую новость,
Которая важна для насъ обоихъ.
Вотъ дворянинъ: мы встрѣтились случайно;
Онъ согласился сватать Катарину,
Коли она ему придетъ по вкусу,
Лишь было бы приданого довольно.

ГРЕМІО.

Вотъ хорошо, кабы за словомъ дѣло!
А вы сказали про ея пороки?

ПЕТРУЧІО.

Задорная, крикливая, я слышалъ.
Ну, если только — я бѣды не вижу.

ГРЕМІО.

Отлично, другъ! А вы откуда родомъ?

ПЕТРУЧІО.

Я родился въ Веронѣ, сынъ Антонъ.
Отецъ мой умеръ, но живетъ богатство,
И я хочу жить хорошо и долго.

ГРЕМІО.

Съ такой женою? Это очень странно!
Но если вкусъ такой у васъ, такъ съ Богомъ;
Я вамъ помощникъ. Нѣтъ, вы въ самомъ дѣлѣ
Хотите свататься за эту кошку?

ПЕТРУЧІО.

Хочу-ль я жить — спросите у меня.

ГРУМИО (*въ сторону*).

Онъ женится — не-то ее повѣситъ.

ПЕТРУЧИО.

Зачѣмъ же ѣхалъ я, какъ не за этимъ?
Уже-ль отъ женскихъ криковъ я оглохну?
Да не слыхалъ я развѣ львовъ рыканья,
Иль бурю всклокоченнаго моря,
Когда оно, какъ дикій вепрь, ярится?
Иль не слыхалъ я на поляхъ палѣбы,
Иль въ тучахъ громъ небесной канонады?
Иль не слыхалъ я кликовъ страшной битвы,
И коней ржанья, и звучанья трубъ?
О женскомъ языкѣ вы говорите?
Да онъ трещитъ слабѣе, чѣмъ каштаны,
Когда ихъ мызникъ жаритъ на огнѣ.
Пугайте пугалами ребятишекъ.

ГРУМИО (*въ сторону*).

А онъ не побоится пугаль.

ГРЕМИО.

Чуетъ
Душа моя, Гортензю, что онъ прибылъ
Къ добру для насъ и также для себя.

ГОРТЕНЗИО.

Я обѣщаль, что мы ему поможемъ
И на себя возьмемъ издержки свадьбы.

ГРЕМИО.

И я согласенъ, только-бъ онъ женился.

ГРУМИО (*въ сторону*).

Я въ томъ увѣренъ больше, чѣмъ въ обѣдѣ.

Входитъ ТРАНИО *въ богатой одеждѣ* и БИОНДЕЛЛО.

ТРАНИО.

Синьоры, здравствуйте. Беру я смѣлость
Спросить у васъ: какой дорогой ближе
Пройти мнѣ къ дому, гдѣ живетъ Баптиста?

ГРЕМИО.

Отецъ прекрасныхъ дочерей — не такъ ли?
Его вамъ нужно?

ТРАНІО.

Да. Эй, Біонделло!

ГРЕМІО.

Вы не за ней ли ужъ, синьоръ, пришли?

ТРАНІО.

За нимъ, за ней ли, — вамъ какое дѣло?

ПЕТРУЧІО.

Прошу, синьоръ, бранчивую не трогать.

ТРАНІО.

Мнѣ злыхъ не надо. Біонделло, въ путь!

ЛЮЧЕНЦІО (*тихо Траніо*).

Начало хорошо.

ГОРТЕНЗІО.

Синьоръ, позвольте:

Вы свататься хотите — такъ иль нѣтъ?

ТРАНІО.

А хоть бы такъ, что-жъ за бѣда такая?

ГРЕМІО.

Да ничего, коль вы и прочь сейчасъ же.

ТРАНІО.

А отъ чего? Здѣсь улицы свободны
Для васъ и для меня.

ГРЕМІО.

Но не она.

ТРАНІО.

Да отчего?

ГРЕМІО.

Ну, если знать хотите,
Она предметъ любви синьора Гремьо.

ГОРТЕНЗІО.

Она предметъ любви Гортензьо также.

ТРАНІО.

Синьоры, тише! Если вы дворяне,
Прошу меня прослушать терпѣливо.

Баптиста, благородный дворянинъ,
Съ моимъ отцомъ знакомъ давно, и если бѣ
Еще прелестнѣй дочь имѣлъ и больше

480

Искателей, могъ быть и я въ числѣ ихъ:
Ихъ тысячу имѣла Леды дочь,
Однимъ пусть будетъ больше и у Бьянки.
Пусть самъ Парисъ захочетъ здѣсь явиться,
Люченціо не прочь поволочиться.

ГРЕМІО.

Вотъ чудо! Онъ заговоритъ насъ всѣхъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Вы дайте волю — онъ сейчасъ заврется!

ПЕТРУЧІО.

Гортензіо, къ чему всѣ эти рѣчи?

ГОРТЕНЗІО.

Осмѣлюсь я спросить у васъ, синьоръ,
Случалось ли вамъ видѣть дочь Баптисты?

ТРАНИО.

Нѣтъ. Но я слышалъ, у него ихъ двѣ
И что одна бранчивостью извѣстна,
Другая-жъ скромностью и послушаньемъ.

ПЕТРУЧІО.

Не троньте первую: она моя.

ГРЕМІО.

Оставимъ этотъ подвигъ Геркулесу:
Онъ всѣхъ двѣнадцати важнѣе будетъ.

ПЕТРУЧІО.

Синьоръ, поймите вы: Баптиста заперъ
Отъ жениховъ дочь младшую, которой
Вы добиваетесь, и онъ не выдастъ,
Ни за кого ее, пока не выйдетъ
Сестра ея въ замужество; вотъ тогда ужъ
И младшая свободна, но не прежде.

ТРАНИО.

Ну, если такъ — и вы хотите точно
Намъ помогать, такъ старшую берите,
Чтобъ младшую для насъ освободить,
И тотъ изъ насъ, кому поможетъ счастье
Взять младшую, повѣрьте, вѣжливъ будетъ
И не останется неблагодарнымъ.

ГОРТЕНЗИО.

И сказано, и понято прекрасно.
Но, какъ женихъ, вознаградить должны
Вы съ нами вмѣстѣ этого синьора,
Кому обязаны мы столько.

ТРАНИО.

Я не замедлю. Чтобъ вамъ доказать,
Прошу я всѣхъ провести со мною вечеръ:
Мы выпьемъ за здоровье нашихъ дамъ,
Какъ стряпчіе, которые бранятся
Въ судѣ и, какъ друзья, потомъ пируютъ.

ГРУМИО и БІОНДЕЛЛО.

Ну, вотъ отлично! Господа пойдете!

ГОРТЕНЗИО.

Не дурно предложеніе. Да будетъ!

(Къ Петручіо.)

Гортензио твой *ben venuto* будетъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Баптисты.

Входятъ КАТАРИНА и БЪЯНКА.

БЪЯНКА.

Не тронь меня! Себя ты унижаешь,
Со мною поступая, какъ съ рабой.
Мнѣ только это больно; что-жъ до тряпокъ,
То развяжи мнѣ руки — я сама
Всѣ платья сброшу, до послѣдней юбки.
Все сдѣлаю, что только ты прикажешь:
Я знаю, какъ повиноваться старшимъ.

КАТАРИНА.

Такъ вотъ скажи: кого ты больше любишь
Изъ жениховъ своихъ, да не скрывай.

БЪЯНКА.

Повѣрь, сестра, изъ всѣхъ людей доселѣ
Не встрѣтила еще ни одного я,
Котораго могла бы предпочесть.

КАТАРИНА.

Ты, душка, лжешь! Гортензіо — навѣрно?

БЪЯНКА.

Его ты любишь: такъ, клянусь, я буду
Сама стараться, чтобъ онъ былъ твоимъ.

КАТАРИНА.

Ну, значить, ты мечтаешь о богатствѣ:
Ты хочешь Греміо, чтобъ жить роскошно.

БЪЯНКА.

Ужели ты ко мнѣ его ревнуешь?
Да нѣтъ, ты шутишь; да, я понимаю:
Ты это все со мной шутила только.
Прошу, сестрица, развяжи мнѣ руки.

КАТАРИНА.

А, это шутки! Такъ и это шутка! *(Бьетъ ее.)*

Входитъ БАПТИСТА.

БАПТИСТА.

Что это? что ты? что въ тебѣ за дерзость!
Уйди же, Бьянка! Бѣдная, какъ плачетъ!
Займись шитьемъ, не связывайся съ нею.
Стыдись ты дьяволъ, обижать сестру,
Которая тебя не огорчаетъ.
Обидѣла ль она тебя хоть словомъ?

КАТАРИНА.

Я за молчанье ей отмстить хочу.

(Бросается къ Бьянкѣ.)

БАПТИСТА.

И при моихъ глазахъ! Поди же, Бьянка.

(Бьянка уходитъ.)

КАТАРИНА.

Вы ненавидите меня. Я вижу;

Она сокровище; ей надо мужа,
А мнѣ босой плясать у ней на свадьбѣ,
Въ аду придется нянчить обезьянъ.

481

Молчите: я сидѣть и плакать буду,
Пока найдется случай отомстить. (*Уходитъ.*)

БАПТИСТА.

Нѣтъ дворянина горестнѣй меня!
Но кто-то входитъ.

Входятъ ГРЕМІО, съ передѣлтымъ Люченціо, ПЕТРУЧІО, съ передѣлтымъ Гортензіо,

ТРАНІО и БІОНДЕЛЛО, съ лютней и книгами.

ГРЕМІО (*Баптистъ*).

Здравствуйте, синьоръ!

БАПТИСТА. Здравствуйте, сосѣдъ Греміо! Здравствуйте, синьоры!

ПЕТРУЧІО.

Благодарю. Синьоръ, есть дочь у васъ
Прекрасная синьора Катарина?

БАПТИСТА.

Есть дочь, синьоръ, ей имя — Катарина.

ГРЕМІО.

А вы не вдругъ: начните по порядку.

ПЕТРУЧІО.

Да нѣтъ ужъ, Греміо, позвольте мнѣ.
Синьоръ, я, дворянинъ веронскій, много
Наслышавшись о красотѣ, умѣ,
Любезности и скромности стыдливой
И тихомъ нравѣ вашей Катарины,
Осмѣлился явиться къ вамъ незваннымъ,
Чтобъ самому повѣрить всѣ рассказы,
Которыхъ я наслушался довольно.
И вотъ, синьоръ, (*подводя Гортензіо*) для перваго знакомства,
Позвольте вамъ представить человѣка —
И математика, и музыканта,
Чтобъ научить ее вполнѣ наукамъ,
Которыя, я слышалъ, ей знакомы.
Отказомъ вы обидите меня.

Изъ Мантуи онъ родомъ, имя — Личьо.

БАПТИСТА.

Я радъ васъ видѣть, также и его.
Но что до дочери до Катарины,
Она, къ несчастью, будетъ не по васъ.

ПЕТРУЧИО.

Я вижу, вамъ съ ней жалко разставаться,
А, можетъ-быть, и я не нравлюсь вамъ.

БАПТИСТА.

Нѣтъ, вы не то... Я дѣло говорю.
Какъ ваше имя? вы откуда родомъ?

ПЕТРУЧИО.

Меня зовутъ Петручьо, сынъ Антоньо,
Онъ человекъ въ Италіи извѣстный.

БАПТИСТА.

Ну, какъ не знать! Синьоръ, я радъ вамъ очень.

ГРЕМИО.

Синьоръ Петручьо, вы не сердитесь:
Я перебую васъ. Надо же намъ, бѣднымъ,
Сказать хоть слово: вы ужъ очень скоры.

ПЕТРУЧИО.

Мнѣ кончить бы хотѣлось — извините.

ГРЕМИО.

Я вѣрю вамъ, но послѣ не тужите.

Я увѣренъ, что предложеніе Петручио вамъ пріятно. Чтобъ не уступить ему въ любезности, и я, обласканный вами болѣе другихъ, смѣло представляю вамъ этого молодого ученаго. (*Подводитъ Люченціо.*) Онъ долго учился въ Реймсѣ, знаетъ греческій, латинскій и другіе языки, такъ же какъ музыку и математику. Его имя Камбіо. Прошу васъ принять его услуги.

БАПТИСТА. Тысячу благодарностей вамъ, синьоръ Греміо! Очень радъ вамъ, любезный Камбіо! (*Обращаясь къ Траніо.*) Но вы, синьоръ, — вы мнѣ незнакомы. Осмѣлюсь спросить причину вашего прихода.

ТРАНИО.

Синьоръ, прошу простить меня за дерзость,
Что въ вашемъ городѣ я, незнакомый
И чужестранецъ, прихожу къ вамъ прямо
Просить руки прекрасной, кроткой Бьянки.
Синьоръ, я знаю — вы хотите прежде

Отдать въ замужество старшую сестру.
Я одного прошу, чтобъ вы, узнавши
Мое происхожденье, не лишили
Меня расположенья, какъ и прочихъ,
И позволенья посѣщать вашъ домъ.
Для вашихъ дочерей я приношу вамъ
Вотъ этотъ инструментъ и эту связку
Латинскихъ книгъ и греческихъ. И если
Вы примете, онѣ получатъ цѣну.

БАПТИСТА.

Люченцо ваше имя? Вы откуда жъ?

ТРАНИО.

Изъ Пизы я, синьоръ; Винченцо сынъ.

БАПТИСТА.

Онъ въ Пизѣ сильный человѣкъ; я слышалъ
О немъ довольно. Очень радъ васъ видѣть.
(*Гортензю.*) Возьмите лютню.
(*Люченцію.*) Вы возьмите книги.
Сейчасъ пойдете къ вашимъ ученицамъ.
Эй, кто-нибудь! (*Входитъ слуга.*)
Ты къ дочерямъ проводишь
Господъ учителей. Скажи обѣимъ,
Чтобъ онѣ ихъ приняли прилично.

(*Слуга, Гортензю, Люченцію и Бонделло уходятъ.*)

Пойдемте въ садъ, синьоры, погуляемъ —
Потомъ обѣдать. Очень радъ васъ видѣть,
Въ чемъ вы не сомнѣваетесь, надѣюсь.

ПЕТРУЧИО.

Дѣла мои не терпятъ: не могу я
Къ вамъ каждый день со сватовствомъ являться

Отца вы знали, а по немъ — меня,
Наслѣдника его земель, имуществъ;
Я не разстроилъ, а устроилъ ихъ.
Ну, если ваша дочь меня полюбитъ,
Скажите мнѣ, вы что за ней дадите?

БАПТИСТА.

Умру, такъ изъ имѣнья половину;
Теперь получишь двадцать тысячъ кронъ.

ПЕТРУЧІО.

А я зато ей завѣщаю все,
На случай, если бы вдовой осталась,
Недвижимость и движимость мою.
Напишемъ же подробно эту запись,
И пусть она для насъ контрактомъ служить.

БАПТИСТА.

Я думаю, что пріобрѣсть вамъ надо
Ея любовь — вотъ главное-то дѣло.

ПЕТРУЧІО.

О, это вздоръ, отецъ мой! Увѣряю,
Она горда, я также непреклоненъ;
А гдѣ два сильные огня сойдутся,
Они сжигаютъ все, что ихъ питало.
Хоть слабый вѣтеръ раздуваетъ пламя,
Но очень сильный вихрь задуетъ сразу.
Вотъ такъ и я — и мнѣ она уступитъ:
Мужчина я, а не грудной ребенокъ.

БАПТИСТА.

Ну, сватайся! Будь счастлива поспѣшность
Твоя; но ты услышишь много брани.

ПЕТРУЧІО.

Ну вотъ! Стоять же горы противъ вѣтра,
Не покачнутся — дуй хоть безпрестанно.

Входитъ ГОРТЕНЗІО съ прошибленной головой.

БАПТИСТА.

Что съ вами, другъ мой? Отчего вы блѣдны?

ГОРТЕНЗІО.

Съ испуга блѣденъ — увѣряю васъ.

БАПТИСТА.

А дочь моя? видна ли въ ней артистка?

ГОРТЕНЗІО.

Она похожа больше на солдата:
Ей надобно не лютню, а булатъ.

БАПТИСТА.

Вы, значить, съ лютней толку не добились?

ГОРТЕНЗІО.

Она добила лютню объ меня.
Я указаль лады, согнувъ ей руки,
Чтобъ показать, какъ разставляють пальцы;
Вдругъ на меня накинулась, какъ дьяволъ:
«Такъ вотъ лады; ну, я тебя налажу!»
И лютней такъ по головѣхватила,
Что голова прошла сквозь инструментъ.
Съ минуту я, какъ столбъ стоялъ, изъ лютни,
Какъ изъ колодки, глядя; а она-то
Честить меня гудочникомъ безмозглымъ
И разными позорными словами,
Какъ-будто ихъ нарочно подбирала,
Чтобы меня больнѣе оскорбить.

ПЕТРУЧІО.

Вотъ мило-то! Ну мнѣ теперь она
Разъ въ десять больше нравится, чѣмъ прежде.
О, какъ бы мнѣ съ ней поболтать хотѣлось!

БАПТИСТА (*Гортензіо.*)

Вы успокойтесь — и пойдете вмѣстѣ.
Вы съ младшей занимайтесь: эта любить
Занятія и будетъ благодарна.
Петручіо, вы съ нами? или развѣ
Не лучше ли послать къ вамъ Катарину?

ПЕТРУЧІО.

Я васъ прошу. Я буду дожидаться.

(*Бапטיста, Траніо, Греміо и Гортензіо уходятъ.*)

Пускай придетъ: возьмусь за дѣло храбро.
Ругаться станеть — я скажу на это,
Что распѣваетъ точно соловей;
Нахмурится — а я скажу, что взоры
Ея нѣжнѣе розы подъ росую;
А замолчитъ — тогда хвалить я стану
За разговорчивость ее: скажу ей,
Что краснорѣчіе ея прелестно.
Попросить вонъ — начну благодарить,
Какъ-будто на недѣлю оставляетъ;
Откажетъ — день я попрошу назначить
Для оглашенья въ церкви и вѣнчанья.
Ну, вотъ идетъ. Петручѣо, говори!

Входитъ КАТАРИНА.

ПЕТРУЧІО.

Здорово, Катя — такъ, вѣдь, ваше имя?

КАТАРИНА.

Вы плохо слышали: вы, вѣрно, глухи.
Меня зовутъ не Катей — Катариной.

ПЕТРУЧІО.

Ей-Богу, лжете вы! Зовутъ васъ Катей,
Прелестной Катенькой, сердитой Катей,
Но все же Катей, въ цѣломъ христіанствѣ
Милѣйшей Катей. Ты изъ Катей Катя.
Мнѣ слаще всѣхъ конфектъ такая Катя.
Узнай же, Катя, радость, жизнь моя,
Что слава громкая, гремя повсюду
О добротѣ и красотѣ твоей,
(Но все жъ не столько, сколько бъ надо было)
Посвататься подвинула меня.

КАТАРИНА.

Подвинула? Такъ пусть, кто васъ подвинулъ,
И выдвинетъ отсюда. Я и вижу:
Вы — движимость.

ПЕТРУЧІО.

Я — движимость? какая?

КАТАРИНА.

Скамейка.

ПЕТРУЧІО.

Вѣрю. Сядь же на меня.

483

КАТАРИНА.

Осель и созданъ, чтобы насъ носить.

ПЕТРУЧІО.

И женщина, вѣдь, создана на то же.

КАТАРИНА.

Что до меня, такъ я не такова.

ПЕТРУЧИО.

Ну, я тебя обременять не стану;
Я знаю: ты легка и молода.

КАТАРИНА.

Я такъ легка, что олуху такому
И не поймать, и все же не тяжелѣ
Я вѣса своего.

ПЕТРУЧИО.

Не легче пчелки.

КАТАРИНА.

Какъ сычъ понятливъ!

ПЕТРУЧИО.

Этотъ сычъ поймаетъ
Тебя, голубку.

КАТАРИНА.

Берегись, однако,
А то голубка заклюетъ сыча.

ПЕТРУЧИО.

Ну, полно жъ, осочка: ты очень зла.

КАТАРИНА.

Оса? такъ ты остерегайся жала.

ПЕТРУЧИО.

Я знаю средство: взять его да вырвать.

КАТАРИНА.

Да нужно знать, дуракъ, гдѣ это жало.

ПЕТРУЧИО.

Гдѣ жало у осы? Да кто жъ не знаетъ?
Въ хвостѣ.

КАТАРИНА.

Нѣтъ, въ языкѣ.

ПЕТРУЧИО.

Въ чемъ языкѣ?

КАТАРИНА.

У васъ хвосты на языкѣ — такъ въ вашемъ.
Прощайте.

ПЕТРУЧИО.

Мой языкъ въ твоёмъ хвостѣ?
Нѣтъ, стой: я дворянинъ.

КАТАРИНА.

А вотъ увидимъ. (*Бьетъ его.*)

ПЕТРУЧИО.

Ударь еще, такъ я отколочу.

КАТАРИНА.

Тогда герба лишишься. Ты ударишь
Меня, тогда не будешь дворяниномъ,
И, значить, у тебя герба не будетъ.

ПЕТРУЧИО.

Геральдикъ ты, такъ запиши мой гербъ.

КАТАРИНА.

У васъ на шлемѣ что — пѣтушій гребень?

ПЕТРУЧИО.

Безъ гребня хоть, лишь будь моей молодой.

КАТАРИНА.

Не для меня, пѣтухъ, кричишь цыпленкомъ.

ПЕТРУЧИО.

Зачѣмъ такъ морщиться? Ну, полно, Катя!

КАТАРИНА.

Отъ яблоковъ лѣсныхъ всегда я морщусь.

ПЕТРУЧИО.

Да нѣтъ ихъ здѣсь, съ чего жъ глядѣть такъ кисло?

КАТАРИНА.

Нѣтъ, есть.

ПЕТРУЧИО.

Ну гдѣ?

КАТАРИНА.

Жаль, зеркала-то нѣту.

ПЕТРУЧИО.

Такъ это я?

КАТАРИНА.

Ты молодъ, а догадливъ.

ПЕТРУЧІО.

Клянусь Георгомъ, для тебя я молодъ.

КАТАРИНА.

Поблекъ.

ПЕТРУЧІО.

Съ заботы.

КАТАРИНА.

Мнѣ-то нѣтъ заботы. (*Хочетъ уйти.*)

ПЕТРУЧІО.

Постой же, Катя! Нѣтъ, ты не уйдешь.

КАТАРИНА.

Мнѣ оставаться — только васъ сердить.

ПЕТРУЧІО.

Не думай! Я нашель, что ты любезна.
Сказали мнѣ, что ты груба, дика,
Сурова; нѣтъ, я вижу, что обмануть:
Любезна ты и ласкова, шутлива;
Тиха, за то пріятна, какъ цвѣточекъ.
Ты не умѣешь хмуриться, коситься
И не кусаешь губъ, какъ злыя дѣвки.
Противорѣчить ты не любишь, кротко
Ты съ женихами разговоръ ведешь,
Учтиво, мило необыкновенно.
Съ чего же взяли, будто ты хромаешь?
О, сплетники! Орѣшины прямѣ,
Стройнѣ Катя и смуглѣй орѣха,
И зернышка его гораздо слаще.
Пройдись, пройдись: ужели ты хромаешь?

КАТАРИНА.

Приказывай, дуракъ, кому ты платишь.

ПЕТРУЧІО.

Діана рощей такъ не украшала,
Какъ эту комнату ты украшаешь, Катя.
Будь ты Діаной, а Діана — Катей
Ты — цѣломудренной, она шутливой!

КАТАРИНА.

Откуда вы такихъ рѣчей набрались?

ПЕТРУЧІО.

Экспромты все; отъ матушки достались.

КАТАРИНА.

Сострила мать, коль родила такого.

ПЕТРУЧІО.

Я развѣ простъ?

КАТАРИНА.

Конечно, простъ и скоро
Совсѣмъ простынешь ты.

ПЕТРУЧІО.

Ну, нѣтъ, едва ли
Я подъ бочкомъ твоимъ простыну. Катя,
Оставимъ шутки. Коротко и ясно:
Отецъ твой мнѣ отдать тебя согласенъ;
Приданое назначено — и хочешь
Или не хочешь — а моей ты будешь.
Я по тебѣ: тебѣ такого нужно.
Клянуся свѣтомъ, при которомъ видѣлъ
И полюбилъ красоту твою,
Что я тебя не уступлю другому.
Я съ тѣмъ рождень, чтобъ усмирить тебя.
Повѣрь мнѣ, Катя, что изъ дикой Кати
Я сдѣлаю хорошую хозяйку.
Идетъ отецъ: не вздумай «нѣтъ» сказать!
Хочу и долженъ взять я Катю замужъ.

Входятъ БАПТИСТА, ГРЕМІО и ТРАНИО.

БАПТИСТА.

Ну, что, поладили, синьоръ Петручъо,
Вы съ дочерью?

ПЕТРУЧІО.

Еще бы не поладить!
Да развѣ можно намъ съ ней не поладить?

БАПТИСТА.

Съ чего же, дочь моя, ты такъ печальна?

КАТАРИНА.

Вы дочерью меня зовете? Вижу
Родительскую нѣжность вашу; выдать
За сумасшедшаго меня хотите,
За наглаго, который такъ увѣренъ,
Что онъ всего добиться можетъ бранью.

ПЕТРУЧІО.

Вотъ дѣло въ чемъ, отецъ: весь свѣтъ и ты —
Вы, говоря о ней, все только лгали.
Вотъ сердится, а, это только хитрость!
Она не сердится, она — что голубь;
Не вспылчива, а, какъ луна, тиха;
Терпѣніемъ она Гризельда будетъ,
Стыдливостью — Лукреція-римлянка.
Короче: такъ мы нравимся другъ другу,
Что въ воскресенъе будетъ наша свадьба.

КАТАРИНА.

Повѣсить бы тебя до воскресенья.

ГРЕМІО.

Петручъо, слышишь ты? до воскресенья.

ТРАНІО.

Такъ вотъ какъ вы! Теперь прощай все дѣло!

ПЕТРУЧІО.

Синьоры, стойте! Я избралъ ее:
Она довольна — что же вамъ за дѣло?
Мы здѣсь уговорились съ ней нарочно,
Чтобъ при людяхъ она казалась злой.
Ну, просто вамъ сказать, невѣроятно,
Какъ полюбила. Нѣжная дѣвица!
Виситъ на шеѣ, поцѣлуи градомъ
И клятвы сыплются, и все такъ быстро,
Что въ мигъ одинъ меня и покорила.
Вы новички, а стоитъ посмотрѣть,
Какъ самый слабый покорить сумѣетъ
Капризную, самъ-другъ оставшись съ ней.
Дай ручку, Катя! Я сейчасъ уѣду
Въ Венецію за платьемъ къ нашей свадьбѣ.
Вы балъ готовьте да гостей зовите —
И Катя будетъ всѣхъ милѣй — я знаю.

БАПТИСТА.

Не знаю, что сказать! Подайте руки.
Дай Богъ вамъ счастья! Дѣло рѣшено.

ГРЕМІО и ТРАНІО.

Аминь. А мы свидѣтелями будемъ.

ПЕТРУЧІО.

Отецъ, невѣста, вы, друзья, прощайте:
Въ Венецію! До воскресенья близко.
Бездѣлокъ нужно разныхъ и колець.
Цѣлуй: мы въ воскресенье подъ вѣнецъ!

(Петручіо и Катарина уходятъ въ разныя стороны.)

ГРЕМІО.

Какъ неожиданно сошлись! Скажите!

БАПТИСТА.

Я въ этой свадьбѣ роль купца играю —
И наудачу свой товаръ пускаю.

ТРАНІО.

Лежалъ да портился; теперь вамъ прибыль
Онъ принесетъ, или потонетъ въ морѣ.

БАПТИСТА.

Мнѣ прибыль — миръ и тишина межъ ними.

ГРЕМІО.

Счастлива будетъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.
Теперь, Баптиста, разговоръ о младшей.
Ужъ близокъ день, котораго мы ждали;
Я вашъ сосѣдъ, изъ жениховъ я первый.

ТРАНІО.

А я люблю сильнѣе, чемъ словами
Сказать возможно, или даже вздумать.

ГРЕМІО.

Ты юнъ и такъ любить, какъ я, не можешь.

ТРАНІО.

Ты сѣдъ, ты холодень.

ГРЕМІО.

А ты кипишь.
Назадъ, прыгунъ! За старикомъ сыгѣе.

ТРАНІО.

За молодымъ зато для женъ милѣе.

БАПТИСТА.

Синьоры, стойте: я рѣшу вашъ споръ.
Награда по дѣламъ. Кто завѣщаетъ
Изъ васъ, на случай смерти, больше Бьянкѣ,
Того и Бьянка будетъ — вотъ и все!
Скажите, Гремь, что вы дать хотите?

ГРЕМІО.

Вы знаете, во-первыхъ, домъ, снабженный
Серебряной и золотой посудой
Для умыванья рукъ ея прекрасныхъ,
Обить обоями изъ тирскихъ тканей;
Набиты кронами ларцы изъ кости,
А въ кипарисныхъ сундукахъ ковры,
Наряды, пологи, бѣлье, завѣсы
И съ жемчугомъ турецкія подушки,
Шитье венеціанцевъ золотое
И мѣдная посуда — все, что нужно
Для дома и хозяйства; да на мызѣ
Коровъ молочныхъ сотня, да по стойламъ
Быковъ сто двадцать жирныхъ; остальное
Все въ этихъ же размѣрахъ. Я, признаться,
Теперь ужъ въ лѣтахъ, и умри хотъ завтра —
Ея все будетъ, только бы согласилась
Моею быть, пока я живъ еще.

ТРАНІО.

Не будь послѣдняго, такъ хорошо бы!
Я по отцѣ единственный наслѣдникъ,
И если ваша дочь моею будетъ,
Я завѣщаю три-четыре дома
Въ богатой Пизѣ, ни одинъ не хуже
Того, что Гремь въ Падуѣ имѣеть;
Да каждый годъ двѣ тысячи дукатовъ
На часть ея съ своихъ земель даю.
Что, Гремь, васъ задѣло за живое?

ГРЕМІО.

Еще съ земель двѣ тысячи дукатовъ?
Мои всѣ земли ровно столько стоятъ.

Ну, я еще прибавлю ей корабль,
Который въ гавани теперь въ Марсели.
Ну, что синьоръ, я кораблемъ задѣлъ васъ?

ТРАНІО.

Извѣстно всѣмъ, что у отца ихъ три,
И всѣ нагружены, и двѣ галеры,
Гребныхъ судовъ двѣнадцать: всѣ за нею
Даю и вдвое, что бѣ ни предложили.

ГРЕМІО.

Я предложилъ ей все, что я имѣю,
И больше этого имѣть нельзя ей.
Коль нравлюсь вамъ — съ собой ей все отдамъ.

ТРАНІО.

Она моя теперь предъ цѣлымъ свѣтомъ:
Вы обѣщали. Я даю ей больше.

БАПТИСТА.

Согласенъ: ваше предложеніе лучше —
Но пусть за васъ поручится родитель,
Тогда отдамъ; а нѣтъ, такъ извините.
Умрете вы — она при чемъ же будетъ?

ТРАНІО.

Одна придирка. Онъ старикъ, я молодъ.

ГРЕМІО.

И молодые мрутъ, какъ старики.

БАПТИСТА.

Синьоры, вотъ послѣднее рѣшеніе:
Извѣстно вамъ, что въ это воскресенье
Я Катарину замужъ отдаю.
Въ другое воскресенье выдамъ Бьянку
За васъ, когда вы актомъ укрѣпите,
Что обѣщали; нѣтъ — отдамъ за Гремьо.
Прощайте: я благодарю обоихъ. (*Уходитъ.*)

ГРЕМІО.

Прощай, сосѣдъ. Ну, другъ, ты мнѣ не страшень,
Не будетъ глупъ отецъ твой, не откажетъ
Тебѣ всего, чтобы потомъ подъ старость
Къ тебѣ итти на хлѣбы. Подождешь:
Лисицу старую не проведешь. (*Уходитъ.*)

ТРАНІО.

Чтобъ надъ твоей башкой бѣда стряслася!
Со мной играешь, такъ туза получишь.
Я барину съумѣю услужить.
И отчего бѣ поддѣльному Люченцо
Не взять отца, поддѣльнаго Винченцо?
Вотъ странно! Всѣ отцы добыть хлопочутъ
Дѣтей себѣ, а я отца добуду.
Не промахнусь, такъ молодецъ я буду!

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Падуа. Комната въ домѣ Баптисты.

Входятъ Люченціо, Гортенціо и Бьянка.

Люченціо.

Оставьте же! Вы стали очень дерзки!
Вы скоро позабыли угощенье,
Которымъ встрѣтила васъ Катарина.

Гортенціо.

Педантъ задорный, видите: предъ вами
Сама богиня музыки небесной,
А потому вы уступить должны.
Сначала часъ мы музыкой займемся,
Потомъ вы столько же займетесь чтеніемъ.

Люченціо.

Осель безмозглый! Вы читали мало;
На что намъ музыка — вамъ неизвѣстно.
Она дана, чтобъ освѣжать нашъ умъ,
Ученьемъ иль трудами утомленный.
И потому пустите насъ заняться
Науками, а забавляйтесь послѣ.

Гортенціо.

Я вашей брани слушать не намѣренъ.

Бьянка.

Обидно мнѣ: вы ссоритесь, синьоры,
О томъ, что вовсе не отъ васъ зависить.
Не школьникъ я: меня нельзя заставить
Учиться по часамъ. Какъ мнѣ угодно,
Такъ я и буду заниматься съ вами;
Чтобъ кончить споръ, мы съ вами сядемъ здѣсь,
А вы возьмите лютню и играйте.
Пока мы кончимъ, вамъ и не настроить.

ГОРТЕНЗИО.

Вы кончите, лишь только я настрою?

ЛЮЧЕНЦИО.

Ну, этого не будетъ. Впрочемъ, стройте.

БЪЯНКА.

Мы гдѣ остановились?

ЛЮЧЕНЦИО.

Здѣсь, синьора.

Нас *ibat Somois*; *hic est Sigeia tellus*;

Hic steterat Priami regia celsa senis.

БЪЯНКА.

Переведите мнѣ.

ЛЮЧЕНЦИО. *Нас ibat* — какъ я уже вамъ сказалъ, *Simois* — я, Люченцо, *hic est* — сын Венченцо изъ Пизы, *Sigeia tellus* — переодѣтый для того, чтобы снискать любовь вашу, *hic steterat* — а Люченцо, что явился женихомъ, *Priami* — мой слуга Траню, *regia* — представляетъ меня и носить мое имя, *celsa senis* — чтобы провести старого Панталона.

ГОРТЕНЗИО (*выступая впередъ*).

Синьора, у меня готова лютня.

БЪЯНКА.

Послушаемъ. Фи, какъ дискантъ фальшивить!

ЛЮЧЕНЦИО.

Поплюйте на колки, да снова стройте.

БЪЯНКА.

Теперь я вамъ сама переведу.

Нас ibat Somois — я васъ не знаю, *hic est Sigeia tellus* — я вамъ не вѣрю, *hic steterat Priami* — берегитесь, чтобъ онъ не услыхалъ, *regia* — не будьте очень самонадѣянны, *celsa senis* — и не отчаявайтесь.

ГОРТЕНЗИО.

Теперь готово.

ЛЮЧЕНЦІО.

Только бась фальшивить.

ГОРТЕНЗІО.

Нѣтъ, бась-то вѣренъ; это ты фальшивишь.

(Въ сторону.)

Однако онъ горячъ и дерзокъ очень.
Клянусь, что онъ волочится за нею,
Да, вѣдь, и я присматривать умѣю.

БЪЯНКА.

Быть можетъ, послѣ; но теперь не вѣрю.

ЛЮЧЕНЦІО.

Не сомнѣвайтесь. Эакидъ все то же,
Что и Аяксъ: онъ названъ такъ по дѣду.

БЪЯНКА.

Учителю должна во всемъ я вѣрить,
А будь иначе, я бы сомнѣвалась.
Довольно съ вами. Личіо, начнемте.
Вы не сердитесь, господа, однако,
Что я себѣ шутливость позволяю.

ГОРТЕНЗІО.

Ты можешь прочь итти и насъ оставить:
Здѣсь трехголосной музыки не будетъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Вы очень стороги.
(Въ сторону.) Лучше я останусь,
Да присмотрю за нимъ, а то сдастся,
Что нашъ прекрасный музыкантъ влюбленъ.

ГОРТЕНЗІО.

Синьора, прежде чѣмъ коснетесь лютни
И прежде чѣмъ начнете ставить пальцы,
Я объясню вамъ первыя начала
Искусства нашего отъ самой гаммы,
Короче и пріятнѣй, и понятнѣй.
Успѣшнѣй, чѣмъ другіе музыканты.
Вотъ гамма, переписанная четко.

БЪЯНКА.

Ужъ гамму я давно прошла — и знаю.

ГОРТЕНЗІО.

А я, чтобъ вы мою прочли желаю.

БЪЯНКА (*читаетъ*).

«Я — гамма всей гармоніи основа!
А-ге, Гортензю Бьянку умоляетъ:
В-мі, возьми его своимъ супругомъ;
С-fa, тебя одну онъ обожаетъ.
D-sol-re — ключъ одинъ, но въ немъ двѣ ноты;
E-la-mi, сжался, иль убьешь его ты.»
И это гамма ваша? Нѣтъ, я больше
Ту, старую люблю. Не легковѣрна
И стараго на новость не мѣняю.

Входитъ СЛУГА.

СЛУГА.

Васъ проситъ батюшка оставить книги
И комнату убрать помочъ сестрицѣ.
Вы знаете, что завтра будетъ свадьба.

БЪЯНКА.

Любезные учителя, прощайте.

(*Бьянка и слуга уходятъ.*)

ЛЮЧЕНЦІО.

А если такъ, мнѣ нечего здѣсь дѣлать.

(*Уходитъ.*)

ГОРТАНЗІО.

А мнѣ такъ есть: тебя подозрѣвать.
Мнѣ, кажется, онъ смотритъ какъ влюбленный.
Но если, Бьянка, ты себя унизишь
И заглядишься на кого, — не надо,

487

Иди, къ кому угодно; коль замѣчу,
Что вѣтрена, такъ самъ таковъ же буду.

(*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Тамъ же. Передъ домою Баптисты.

Входятъ БАПТИСТА, ТРАНИО, КАТАРИНА, БЬЯНКА, ЛЮЧЕНЦИО и слуги.

БАПТИСТА.

Синьоръ Люченцо, вотъ и день насталь,
День свадьбы Катарини и Петручю,
А и помину нѣтъ еще о зятѣ.
Что люди скажутъ? Что за срамъ такой!
Священникъ ждетъ, готовъ обрядъ вѣнчальный
Онъ совершить, а нашъ женихъ не ѣдетъ,
Что скажете вы о такомъ позорѣ?

КАТАРИНА.

Позоръ лишь мнѣ! Меня вы противъ воли
Принудили итти за грубіяна,
Капризнаго, который скоръ лишь сватать,
А женится — когда ему досужно.
Я говорила, что наглець безстыдно
Обиды грубой шуткой прикрываетъ,
И, чтобъ его за чудака считали,
Онъ будетъ свататься и день назначить,
Сзоветъ гостей на балъ, объявить въ церкви,
А самъ и не подумаетъ жениться.
Всѣ будутъ пальцами на Катарину
Показывать и говорить: «смотрите:
Жена Петручю! Жаль, что не женился».

ТРАНИО.

Баптиста, Катарина успокойтесь!
Петручю не обманетъ — жизнь порукой.
Его случайность только задержала.
Хоть онъ чудакъ, но онъ уменъ — я знаю;
Хоть онъ чудакъ, но честный человекъ.

КАТАРИНА.

Ужъ лучше бѣ вовсе не видать его мнѣ!

(Уходитъ, плача, съ Бьянкой и слугами.)

БАПТИСТА.

Поди — тебя не упрекну за слезы.
Такой обиды не снесетъ святая,
А ты и безъ того нетерпѣлива.

Входитъ БЮНДЕЛЛО.

Синьоры, новость! старая вамъ новость!
Такая новость... Сроду не слышали!

БАПТИСТА.

И старая и новость — это чудо!

БИОНДЕЛЛО. А развѣ не новость — вѣсть о томъ, что Петручіо ѣдетъ?

БАПТИСТА. Онъ пріѣхалъ?

БИОНДЕЛЛО. Нѣтъ, синьоръ!

БАПТИСТА. Такъ какъ же?

БИОНДЕЛЛО. Онъ ѣдетъ.

БАПТИСТА. Скоро ли же онъ будетъ тутъ?

БИОНДЕЛЛО. А вотъ когда будетъ стоять здѣсь, гдѣ стою, и видѣть васъ тамъ.

ТРАНИО. Ну, какія же тамъ старыя новости?

БИОНДЕЛЛО. А вотъ: Петручіо ѣдетъ сюда въ новой шляпѣ и въ старой курткѣ; брюки старые, раза три вывороченные; сапоги на немъ прежде служили ящиками для свѣчей; одинъ изъ нихъ съ пряжкой, а другой съ завязками; старый заржавленный мечъ изъ городского арсенала, но съ изломаннымъ эфесомъ и безъ ноженъ, и съ разорванными ремнями, на хромоу лошади; сѣдло старое, изъѣденное молью, а стремена разныя. Лошадь же сопата и, кажется, что на спинѣ у нея скоро выростеть мохъ. Кромѣ того, она больна насосомъ, паршива, съ желтухой, изуродована заушницей и подкожными червями и страдаетъ головокруженіемъ; удила изломаны; узда изъ бараньей шкуры, и вся въ узлахъ: видно, онъ ее часто натягивалъ, чтобы не дать лошади упасть, отъ чего она и разрывалась; подпруга сшита изъ шести кусковъ; нахвостникъ бархатный, съ дамскаго сѣдла, съ двумя именными буквами, великолѣпно вынизанъ гвоздиками и мѣстами связанъ веревками.

БАПТИСТА. Кто съ нимъ ѣдетъ?

БИОНДЕЛЛО. Его слуга, синьоръ — и, клянусь вселенной, убранъ точно такъ же, какъ и лошадь: одна нога въ чулкѣ, а другая въ шерстяномъ штиблетѣ; одна подвязана синей, а другая красной покромкой; на головѣ изношенная шляпа, въ которую, вмѣсто пера, воткнуто «Сорокъ любовныхъ пѣсень». Чудовище, просто, чудовище и не похожъ на слугу христіанина и дворянина.

ТРАНИО. Какая-нибудь особенная причуда заставила его это сдѣлать. Онъ часто одѣвается неприлично.

БАПТИСТА. Я радъ, что онъ придетъ, въ какомъ бы видѣ ни пришелъ.

БИОНДЕЛЛО. Да онъ не придетъ.

БАПТИСТА. Да не ты ли сейчасъ сказалъ, сто придетъ.

БИОНДЕЛЛО. Кто придетъ? Петручіо?

БАПТИСТА. Да, Петручіо.

БИОНДЕЛЛО. Нѣтъ, синьоръ, придетъ-то его лошадь, а онъ сидитъ на ней.

БАПТИСТА. Это все одно.

БИОНДЕЛЛО.

Клянусь Іаковомъ
И ставлю цѣлый пенсъ,
Что конь и человѣкъ

Хоть больше одного,
А все жъ не двое.

Входятъ ПЕТРУЧІО и ГРУМІО (оба одѣтые въ фантастическое отрепье).

ПЕТРУЧІО.

Ну, гдѣ же эти франты? Кто же дома?

БАПТИСТА.

Синьоръ, здорово.

ПЕТРУЧІО.

Не совсѣмъ здорово.

БАПТИСТА.

Вы не хромаете?

ТРАНИО.

Не такъ одѣты,
Какъ слѣдуетъ.

ПЕТРУЧІО.

А что жъ! и въ лучшемъ платьѣ
Все тотъ же самый я Петруччо буду.
А гдѣ же Катя? гдѣ моя невѣста?
Что, батюшка? Что вы, друзья, надулись?
И отчего, друзья мои, скажите,
Все общество такъ смотритъ, будто видятъ
Во мнѣ комету, иль какое чудо?

БАПТИСТА.

Вы знаете, что нынче ваша свадьба!
Мы безпокоились, что васъ не будетъ.
Вы хуже поступили, такъ одѣвшись.
Долой лохмотья! Какъ же вамъ не стыдно?
Они позорятъ наше торжество.

ТРАНИО.

Скажите намъ, какой же важный случай
Васъ задержалъ такъ долго и представилъ
Теперь сюда ни на что непохожимъ?

ПЕТРУЧІО.

Разсказъ великъ и слушать будетъ скучно.

Довольно съ васъ; далъ слово и — прїѣхалъ.
Хоть я отъ слова отступилъ немного,
Но на досугѣ въ этомъ оправдаюсь —
Вы будете довольны совершенно.
Гдѣ Катя? Я и такъ замѣшкалъ долго,
Проходитъ утро — намъ пора быть въ церкви.

ТРАНІО.

Вы не кажитесь ей въ такомъ нарядѣ.
Зайдемъ ко мнѣ: перемѣните платье.

ПЕТРУЧІО.

Ну нѣтъ, не надо: я явлюсь къ ней въ этомъ.

БАПТИСТА.

Не такъ же вы пойдете съ ней вѣнчаться?

ПЕТРУЧІО.

Такъ именно. Оставьте разговоры.
Со мной вѣнчаться будетъ, а не съ платьемъ.
Вотъ если бъ могъ я подновить себя
Такъ скоро и легко, какъ это платье,
Для ней бы лучше, а ужъ мнѣ — такъ вдвое.
Что жъ я, дуракъ, затолковался съ вами!
Пора итти къ невѣстѣ — поцѣлуемъ
Мои права надъ ней запечатлѣть. (*Уходитъ*).

ТРАНІО.

Онъ съ умысломъ такой нарядъ надѣлъ.
Однако жъ надо будетъ постараться,
Чтобъ предъ вѣнчаньемъ онъ переодѣлся.

БАПТИСТА.

Пойти и посмотрѣть, что дальше будетъ?

(*Уходитъ*.)

ТРАНІО (*къ Люченціо*).

Одной любви, синьоръ, тутъ мало: нужно
Согласіе отца, и съ этой цѣлью,
Какъ вашей милости уже извѣстно,
Я прїискать стараюсь человѣка —
И кто бъ онъ ни былъ, мы его настроимъ;
А будетъ онъ — Винченціо изъ Пизы
И въ Падуѣ поручится за васъ
Гораздо больше, чѣмъ мы обѣщали.
И вы спокойно насладитесь счастьемъ,
И женитесь на Бьянкѣ по согласью.

ЛЮЧЕНЦЮ.

Вотъ если бѣ музыкантъ не такъ старался
Подсматривать за каждымъ шагомъ Бьянки,
Намъ можно бѣ было обвѣнчаться тайно.
Потомъ пускай весь свѣтъ со мной заспоритъ,
Свое я право отстаять съумѣю.

ТРАНЮ.

Нѣтъ, мы устроимъ это помаленьку
И осторожно дѣло поведемъ,
Перехитримъ и Гремю сѣдого,
И близорукаго отца Минолу,
И музыканта Личю обманемъ.
И все для васъ, мой господинъ Люченцо.

Входитъ ГРЕМЮ.

ТРАНЮ.

А, Гремю! вы вернулись изъ церкви?

ГРЕМЮ.

И радъ, какъ будто вырвавшись изъ школы.

ТРАНЮ.

А молодые мужъ съ женой ужъ вышли?

ГРЕМЮ.

Какой онъ мужъ — мужикъ онъ безобразный!
Она узнаеть, въ чьи попала лапы!

ТРАНЮ.

Онъ бѣшенѣй ея? Нѣтъ, невозможно!

ГРЕМЮ.

Ну, нѣтъ, онъ дьяволъ — дьяволъ, сатана!

ТРАНЮ.

Вѣдь, и она-то дьяволъ, дьяволъ тоже!

ГРЕМЮ.

Она предъ нимъ овца, голубка, крошка.
Ну, слушайте! Когда спросилъ священникъ,
Согласенъ ли онъ Катарину взять,
«Кого жъ еще!» онъ крикнулъ и божился
Такъ громко, что отъ страху попъ и книгу
Не удержалъ, и лишь было нагнулся,
Чтобы поднять ее, женихъ безумный
Такъ пнулъ его, что покатались

И попь, и книга. «Пусть ихъ подымаеть
Теперь, кто хочеть», онъ добавилъ громко,

489

ТРАНІО.

А что жъ невѣста? Что-нибудь сказала?

ГРЕМІО.

Она тряслась, онъ топаль и ругался,
Какъ будто пастырь чѣмъ его обидѣль;
Когда обрядъ вѣнчанья отошелъ,
Онъ попросилъ себѣ вина и громко
Здоровье крикнулъ будто послѣ бури
Онъ пьянствовалъ на кораблѣ съ друзьями.
Онъ разомъ выпилъ мускатель; остатки жъ
Онъ кистеру плеснулъ въ лицо за то,
Что тотъ, тряся своей бородкой тощей,
Пока онъ пилъ, какъ бы просилъ подачки.
Потомъ схватилъ невѣсту за затылокъ,
А такъ ее онъ чмокнулъ прямо въ губы,
Что раздалось по церкви. Я отъ срама,
Увидя это, выбѣжалъ изъ церкви,
И, вѣроятно, всѣ почти за мною.
Ну, нѣтъ, подобной свадьбы не бывало!
Чу, слышите? Играють музыканты. (*Музыка.*)

Входятъ ПЕТРУЧІО, КАТАРИНА, БЬЯНКА, БАПТИСТА, ГОРТЕНЗИО, ГРУМІО, *слуги и свита.*

ПЕТРУЧІО.

За хлопоты, друзья, благодарю васъ!
Со мной вы хотите пообѣдать
И приготовили мнѣ пиръ роскошный;
Но я спѣшу: дѣла мои не терпятъ,
И долженъ я сейчасъ проститься съ вами.

БАПТИСТА.

Ужели — вы хотите ѣхать на ночь?

ПЕТРУЧІО.

Нѣтъ, даже прежде, чѣмъ наступить вечеръ.
Не удивляйтесь! Если бы вы знали
Дѣла мои, меня вы гнали бѣ сами.
Благодарю, честные господа.
Вы видѣли, какъ самъ себя я отдалъ

И кроткой, и прекраснѣйшей изъ женщинъ.
Обѣдайте жъ и выпейте съ отцомъ,
А я сейчасъ уѣду. Ну, прощайте!

ТРАНІО.

Мы просимъ васъ — останьтесь пообѣдать.

ПЕТРУЧІО.

Никакъ нельзя.

ГРЕМІО.

И я прошу остаться.

ПЕТРУЧІО.

Я не могу, нельзя.

КАТАРИНА.

Ну, я прошу васъ.

ПЕТРУЧІО.

Я очень радъ.

КАТАРИНА.

Вы рады здѣсь остаться?

ПЕТРУЧІО.

Я радъ, что просите меня остаться.
А не останусь, сколько бъ ни просили.

КАТАРИНА.

Любя меня, останьтесь!

ПЕТРУЧІО.

Лошадей.

ГРУМІО.

Онѣ готовы, и овесъ ужъ съѣденъ.

КАТАРИНА.

Какъ хочешь ты, но нынче не поѣду,
Ни завтра я, пока не захочу.
Ворота отперты, а вотъ дорога —
Ступай, покуда крѣпки сапоги,
А я останусь, сколько мнѣ угодно.
Сейчасъ и видно — вы хорошій мужъ:
Вы съ самага начала доказали.

ПЕТРУЧІО.

Ну, полно, Катя, не сердись, прошу я.

КАТАРИНА.

Хочу сердиться: вамъ какое дѣло?
Отецъ, онъ не поѣдетъ, успокойся.

ГРЕМІО.

Теперь, синьоръ, поѣдетъ у нихъ работа!

КАТАРИНА.

Прошу за столъ, синьоры. Да, я знаю,
Что женщину не долго одурачить,
Когда она противиться не въ силахъ.

ПЕТРУЧІО.

Они пойдутъ, послушаются Катю.
Синьоры, повинуйтесь новобрачной:
Повиноваться нужно ей. Ступайте,
Пируйте, пейте за ея невинность
Безумно, весело, иль убирайтесь!
А что до Кати, такъ она уѣдетъ.
Ты не косись и не ворчи, не топай!
Ты собственность моя, я твой владыка.
Моя земля ты, домъ и дворъ, посуда,
Ты поле, житница, моя ты лошадь,
Мой вошь, осель — ну, словомъ, все мое.
Вотъ здѣсь она: ну, тронь ее, кто смѣетъ!
Я проучу того, кто загородить
Мнѣ въ Падуѣ дорогу съ нею. Грумьо,
Бери свой мечъ: разбойники напали —
Спасай синьору, если ты мужчина.
Тебя не тронутъ, Катя, ты не бойся!
Я отобьюсь хоть противъ милліона.

(Петручіо, Катарина и Груміо уходятъ.)

БАПТИСТА.

Ну и ступайте съ Богомъ! Вотъ такъ пара!

ГРЕМІО.

Ну, не уйди — я умеръ бы со смѣху!

ТРАНИО.

Подобнаго безумства не бывало.

ЛЮЧЕНЦІО.

Что скажите, синьора, о сестрицѣ?

БЪЯНКА .

Что сумасшедшій свель ее съ ума.

ГРЕМІО .

Нѣтъ, развѣ онъ окатаринень ею.

490

БАПТИСТА .

Сосѣди и друзья, на нашемъ пирѣ
Не будетъ молодой и молодого,
За то не будетъ недостатка въ блюдахъ.
Люченцо, вы на мѣсто жениха
Садитесь, Бьянка сядетъ за невѣсту.

ТРАНИО .

Чтобъ приучалась Бьянка быть невѣстой.

БАПТИСТА .

А почему жъ не такъ? Идемъ, синьоры!

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ загородномъ домѣ Петручіо.

Входитъ ГРУМІО .

ГРУМІО . Чортъ возьми всѣхъ усталыхъ клячь, всѣхъ бѣшенныхъ баръ и всѣ гадкія дороги! Былъ ли кто такъ избить, такъ забрызганъ грязью? уставалъ ли когда такъ человѣкъ? Меня послали впередъ разводить огонь, а они пріѣдутъ грѣться. Не имѣй я способности, какъ всѣ маленькіе горшки, согрѣваться вдругъ, мои губы примерзли бы къ зубамъ, языкъ — къ нѣбу, а сердце — къ брюху, прежде, чѣмъ успѣлъ бы развести огонь, чтобы оттаять себя. Но, раздувая огонь, я самъ поразогрѣюсь. Судя по этой погодѣ, не то что я, а и большой человѣкъ можетъ простудиться. Эй, Куртисъ!

Входитъ КУРТИСЪ .

КУРТИСЪ . Кто зоветъ меня такъ холодно?

ГРУМІО . Кусокъ льду; если жъ сомнѣваешься, можешь скатиться съ плеча моего къ пяткамъ — и не надо тебѣ больше разбѣгу, какъ отъ головы до шеи. Огня, добрый Куртисъ!

КУРТИСЪ . А что, Груміо, нашъ баринъ съ молодой женой ѣдутъ?

Грумю. Да, Куртись, и потому — огня, огня! Ты давай огня, а не переливай изъ пустого въ порожнее.

Куртись. А что, она въ самомъ дѣлѣ такъ горяча и зла, какъ о ней рассказываютъ?

Грумю. Да, добрый Куртись, была горяча до этого мороза. Но ты знаешь, зима укрощаетъ и мужчину, и женщину, и скотину; поэтому она укротила и стараго барина, и новую барыню, и меня, братъ Куртись.

Куртись.. Убирайся ты, трехвершковый дуракъ! Я-то ужъ не скотина.

Грумю. Я трехвершковый? Да въ твоихъ рогахъ футъ и во мнѣ — столько же росту, по крайней мѣрѣ. Будешь ты разводить огонь, или мнѣ пожаловаться на тебя барынь? Хоть она и сама подъ-рукой, а тебѣ отъ ея руки будетъ холодно за твою неисправность въ горячей должности.

Куртись. Расскажи-ка лучше, Грумю что дѣлается на свѣтѣ?

Грумю. Въ свѣтѣ все холодно, добрый Куртись, кромѣ твоей должности — и потому ты давай огня! Дѣлай должное и бери должное. Баринъ съ барыней чуть до смерти не замерзли.

Куртись. Вотъ тебѣ огонь. Теперь — новости, добрый Грумю.

Грумю (*напѣваетъ*). «Ну, Джекъ! ну, малый!». Столько новостей, сколько тебѣ угодно!

Куртись. Ты все шутишь. Охъ ты, продувной!

Грумю. Да, меня продуло не на шутку, потому я и просилъ тебя раздуть огонь. Гдѣ поваръ? Готовъ ли ужинъ? Убранъ ли домъ? Посыпаны ли полы, обметена ли паутина, а прислуга въ новомъ ли платьѣ и бѣлыхъ чулкахъ, и всѣ ли въ свадебномъ нарядѣ? Рюмки и стаканы вымыты ли и снутри, и снаружи? разостланы ли ковры, и все ли у васъ въ порядкѣ?

Куртись. Все готово! Сдѣлай милость, рассказывай новости.

Грумю. Во-первыхъ, знай, что моя лошадь устала, а господинъ и госпожа упали.

Куртись. Какъ?

Грумю. Съ сѣдель въ грязь. Тутъ цѣлая исторія.

Куртись. Такъ рассказывай, добрый Грумю.

Грумю. Дай-ка сюда ухо!

Куртись. На, вотъ.

Грумю (*бьетъ его по уху*). На, вотъ!

Куртись. Да этакъ чувствуешь новость, а не слышишь.

Грумю. Оттого рассказъ и называется чувствительнымъ. Впрочемъ, этотъ ударъ для того, чтобы разбудить твое вниманіе. Начинаю: *imprimis*, мы сѣзжали съ грязнаго пригорка; баринъ позади барыни.

Куртись. Оба на одной лошади?

Грумю. А тебѣ что за дѣло?

Куртись. Да лошади-то какво!

Грумю. Ну, такъ самъ и рассказывай эту исторію. Не перебей ты меня — ты услыхалъ бы, какъ ея лошадь упала, а она подъ лошадь; услыхалъ бы въ какомъ это грязномъ мѣстѣ было, какъ она загрязнилась, какъ онъ оставилъ лежать ее подъ дошадью; какъ колотилъ меня за то, что ея лошадь споткнулась; какъ она шлепала по грязи, чтобы

оттащить его отъ меня; какъ онъ ругался, а она, до сихъ поръ не просившая никого, просила его; какъ я оралъ, а лошади разбѣжались; какъ изорвалась ея уздечка, а я потерялъ подпругу. Ты услыхалъ бы еще много другихъ замѣчательныхъ вещей, которыя теперь умрутъ въ забвеніи, а ты сойдешь въ могилу, не зная ничего этого.

Куртисъ. Такъ, выходитъ, онъ еще сердитѣй ея?

Грумю. Еще бы! А вотъ и ты, и всѣ вы узнаете это, какъ онъ пріѣдетъ. Да что я толкую! Позови Нафанаила, Іосифа, Николая, Филиппа, Вальтера, Блюдолиза и прочихъ: пусть они причешутъ головы поглаже, вычистятъ синіе колеты, подвяжутъ чулки свои разноцвѣтными подвязками, чтобы они становились на лѣвое колѣно и не смѣли касаться даже къ хвосту лошади господина, пока не поцѣлуютъ рукъ ихъ. Всѣ ли они готовы?

Куртисъ. Готовы.

Грумю. Зови ихъ.

Куртисъ. Слышите! Эй, вы! вамъ надо встрѣтить барина, чтобъ показать барынѣ приличный видъ.

Грумю. Зачѣмъ же ей? у ней свой есть.

Куртисъ. Да кто жъ этого не знаетъ?

Грумю. Да ты; потому что собираешь людей, чтобъ показать видъ.

Куртисъ. Я сзываю, чтобъ показать ей довѣріе.

Грумю. Да она ѣдетъ не за тѣмъ, чтобъ занимать у васъ?

Входятъ слуги: Нафанаиль, Филиппъ, Іосифъ и Николай.

Нафанаиль. Съ пріѣздомъ, Грумю!

Филиппъ. Какъ ты поживаешь, Грумю?

Іосифъ. Здоровъ ли ты, Грумю?

Николай. Ну, какъ ты, Грумю?

Нафанаиль. Что новаго, старый шалунъ?

Грумю. Здравствуй, ты! ну, а ты! ты что? ты товарищъ! ну и будетъ съ васъ. Теперь, нарядные друзья мои, все ли готово? Все ли у васъ въ порядкѣ?

Нафанаиль. Все. А что, далеко еще нашъ баринъ?

Грумю. Здѣсь, подъ-носомъ, ужъ соскочилъ, я думаю, съ лошади, а потому... А, чортъ возьми! молчите! я слышу голосъ его.

Входятъ Петручіо и Катарина.

Петручіо.

Гдѣ жъ олухи? Ни одного въ воротахъ:

Ни стремя поддержать, ни взять коня!

Нафанаиль, Филиппъ, Григорій, гдѣ вы?

Слуги.

Мы здѣсь, синьоръ, мы здѣсь, синьоръ, мы здѣсь!

ПЕТРУЧІО.

Мы здѣсь, синьоръ, мы здѣсь, синьоръ! мы здѣсь!
Болваны, ни малѣйшаго вниманья,
Ни уваженья должнаго! А гдѣ же
Тотъ безтолковый, что впередъ былъ посланъ?

ГРУМІО.

Я здѣсь — и все такой же безтолковый!

ПЕТРУЧІО.

Болванъ, поганецъ, кляча, не тебѣ ли
Я приказалъ, чтобъ ты насъ встрѣтилъ въ паркѣ
И взялъ съ собой всѣхъ этихъ негодяевъ?

ГРУМІО.

Нафанаилу куртка не готова,
Гаврилъ не подшиты башмаки,
А у Петра не вычернена шапка,
У Вальтера же шпага безъ ножонъ;
Одѣты только Ральфъ, Адамъ, Григорій,
Другіе же, какъ нищіе, въ лохмотьяхъ;
А впрочемъ, всѣ собрались встрѣтить васъ.

ПЕТРУЧІО.

Мерзавцы, ужинать скорѣй давайте!

(Слуги уходятъ. Поетъ.)

Гдѣ жъ ты, жизнь моя, моя прежняя!
Да гдѣ же вы тамъ?
Садись же, Катя, милости прошу.
Ухъ-ухъ-ухъ-ухъ! *(Слуги вносятъ ужинъ.)*
Да ну же, Катя, будь повеселѣ!
Эй, негодяи: сапоги стащите!

(Поетъ.)

Жиль да былъ монахъ убогой,
Онъ пошелъ путемъ-дорогой...
Разбойникъ, прочь: ты выдернулъ мнѣ ногу!

(Бьетъ его.)

А вотъ, чтобъ ты не оторвалъ другую.
Да веселѣй же, Катя! Эй, воды мнѣ!
А гдѣ Троиль, собака? Эй, болванъ!
Зови скорѣе брата Фердинанда.
Ты, Катя, съ нимъ должна поцѣловаться.
А туфли гдѣ? Дадутъ ли намъ воды?

(Подаютъ воду.)

Мой руки, Катя — и покорно просимъ.

(Слуга роняетъ рукомойникъ.)

Мерзавецъ, урони еще, попробуй! *(Бьетъ его.)*

КАТАРИНА.

Ну, успокойся: онъ, вѣдь, не нарочно.

ПЕТРУЧІО.

Мерзавецъ, вислоухій негодяй!
Садись же, Катя: ты проголодалась.
Сама прочтешь молитву, или мнѣ?
А это что? баранина?

1-й СЛУГА.

Такъ точно.

ПЕТРУЧІО.

Кто подалъ?

492

1-й СЛУГА.

Я.

ПЕТРУЧІО.

Она подожжена —
И все подожжено. Что за собаки!
Гдѣ поваръ-негодяй? И какъ вы смѣли
Подать такую гадость! Вамъ извѣстно,
Что не стерплю. Долой тарелки, рюмки!

(Сбрасываетъ со стола кушанье и посуду.)

Безмозглые, беспечные болваны!
Какъ, вы ворчатъ еще? такъ я же васъ!

(Слуги уходятъ.)

КАТАРИНА.

О, другъ мой, я прошу васъ — успокойтесь!
Не дурно кушанье — вамъ показалось.

ПЕТРУЧІО.

Нѣтъ, Катя, подожженное, сухое,
А это строго мнѣ запрещено:
И развиваетъ желчь, и гнѣвъ вселяетъ.

Ужъ лучше мы немного поговѣемъ,
Чѣмъ ѣсть горѣлое, сухое мясо.
И безъ того съ тобой мы оба желчны.
Ты потерпи: мы утромъ наведемъ,
А ночью ужъ поститься вмѣстѣ будемъ.
Пойдемъ, я въ спальню провожу тебя.

(Петручіо и Катарина уходятъ.)

СЦЕНА II.

Другая комната.

Входятъ: НАФАНАИЛЬ, ПЕТРЪ и ГРУМІО (по одному).

НАФАНАИЛЬ.

Ну, Петръ, видалъ ли ты такія штуки?

ПЕТРЪ.

Ея жъ орудіемъ ее жъ и бьетъ.

Входитъ Куртисъ.

ГРУМІО.

Ну, гдѣ онъ?

КУРТИСЪ.

Въ спальнѣ проповѣдь читаетъ
О воздержаніи, и самъ бранится,
Клянется, бѣсится; она жъ, бѣдняжка,
Не знаетъ, гдѣ ей стать, куда смотрѣтъ,
Что говорить: сидитъ какъ бы въ просонкахъ.
Уйдемъ, уйдемъ, онъ самъ идетъ сюда!

(Слуги уходятъ.)

ПЕТРУЧІО возвращается.

ПЕТРУЧІО.

Надъ ней господство я искусно началъ;
Надѣюсь, что и кончу я съ успѣхомъ.
Теперь мой соколъ наостренъ порядкомъ;
Пока къ рукамъ привыкнетъ, корма меньше:
Какъ зобъ набьетъ, тогда плоха охота.
Еще есть средство приручить ее,
Заставить подходить и знать мой голосъ:
Мѣшать ей спать, какъ коршуну мѣшаемъ,
Когда не слушаетъ, клюетъ и бьется.
Она не ѣла нынче и не будетъ;
Той ночью не спала, не спать и въ эту.

Какъ въ кушаньѣ, такъ точно и въ постели
Найду я небывалый недостатокъ;
Сюда подушки, а туда перину,
Направо пологъ, простыню налѣво,
И покажу ей въ этомъ самомъ шумѣ,
Что изъ любви все это происходитъ;
А кончу тѣмъ, что не заснетъ и нынче.
Задремлетъ — я кричать и бѣсноваться
И громкимъ крикомъ прогоню ей сонъ.
Вотъ способъ уморить жену любовью!
Но я убью лишь бѣшенный характеръ.
Кто знаетъ лучше усмирять капризныхъ,
Пусть скажетъ намъ: вѣдь это будетъ благо.

СЦЕНА III.

Падуя. Передъ домомъ Баптисты.

Входятъ ТРАНІО и ГОРТЕНЗІО.

ТРАНІО.

Возможно ль, другъ, чтобъ Бьянка полюбила
Кого-нибудь другого — не Люченцо?
Я пользуюсь ея расположеньемъ.

ГОРТЕНЗІО.

Я докажу вамъ. Станемте къ сторонкѣ —
И слушайте, чему ее онъ учить.

(Отходятъ къ сторонѣ.)

Входятъ Бьянка и Люченцо.

Люченцо.

Ну, какъ вамъ нравится мое ученье?

Бьянка.

Чему вы учите, вы мнѣ скажите.

Люченцо.

Одно искусство знаю я — любить.

Бьянка.

А вы владѣете искусствомъ этимъ?

Люченцо.

А вы владѣете моей душою. *(Отходятъ.)*

ГОРТЕНЗІО.

Каковъ успѣхъ! Что скажете теперь?
А вы осмѣлились сказать, что Бьянка
Лишь только одного Люченцо любить.

ТРАНІО.

Любовь коварная! непостоянство!
Нѣтъ, это удивительно, другъ Личьо.

ГОРТЕНЗІО.

Не заблуждайтесь больше: я не Личьо,
Я не учитель музыки: мнѣ стыдно,
Что изъ любви предъ ней я притворялся.
Она пренебрегаетъ дворяниномъ
И любить низкаго простолюдина:
Узнайте же — меня зовутъ Гортензю.

493

ТРАНІО.

Синьоръ Гортензю, много я наслышанъ
Про вашу преданность синьорѣ Бьянкѣ.
Увѣрившись въ ея непостоянствѣ,
Мы вмѣстѣ съ вами, если вы согласны,
Откажемся отъ Бьянки наотрѣзъ.

ГОРТЕНЗІО.

Смотрите, какъ цѣлуются! Люченцо,
Вотъ вамъ рука моя: я вамъ клянусь,
Что отъ нея отказываюсь вовсе.
Она не стоитъ той любви горячей,
Которую я тратилъ такъ безумно.

ТРАНІО.

И я клянусь, что не женюсь на ней;
Навязывайся хоть сама — не надо!
Смотрите, какъ любезничаютъ звѣрски!

ГОРТЕНЗІО.

Ее бы бросить всѣмъ: пусть онъ при ней!
А я, чтобы вѣрнѣй исполнить слово,
Въ три дня, не позже, на вдовѣ богатой
Женюсь: она меня любила даже,
Когда любилъ я гордое созданье.
Синьоръ Люченцо, прошу прощенья!
Одной любовью нѣжной, а не взглядомъ

Мою любовь приобрести возможно.
Прощайте! Я останусь вѣренъ клятвѣ.

Люченціо и Бьянка подходятъ.

ТРАНІО.

Синьора Бьянка, счастья вамъ желаю
И всякихъ радостей, любви взаимной!
Ха-ха! Я подсмотрѣлъ всѣ ваши шашни,
И мы отъ васъ съ Гортензью отказались.

БЬЯНКА.

Вы шутите! Ужели отказались?

ТРАНІО.

Да, оба.

Люченціо.

Лишь больше не опасень.

ТРАНІО.

На вдовушкѣ веселенькой онъ хочетъ
Посвататься и въ тотъ же день жениться.

БЬЯНКА.

Дай Богъ имъ радости!

ТРАНІО.

Повѣрьте,
Онъ усмирить ее.

БЬЯНКА.

Онъ самъ сказалъ?

ТРАНІО.

Затѣмъ пошелъ онъ въ школу усмиренья.

БЬЯНКА.

Да развѣ есть такая школа?

ТРАНІО.

Есть.
Петручю въ ней учителемъ, синьора.
Онъ учитъ, какъ капризныхъ усмиряютъ
И язычокъ привязываютъ имъ.

Вбѣгаетъ Біонделло.

БІОНДЕЛЛО.

Синьоръ, синьоръ, я сторожилъ такъ долго,
Что хуже пса усталъ, и наконецъ-то
Подмѣтилъ старикашку. Онъ съ горы
Спускается. Такой годится.

ТРАНІО.

Кто онъ?

БІОНДЕЛЛО.

Купецъ или педантъ — синьоръ, навѣрно
Не знаю я. По виду, по наряду
И по всему отецъ онъ настоящій.

ЛЮЧЕНЦІО.

Ну, что ты, Траніо, объ этомъ скажешь?

ТРАНІО.

Коль онъ довѣрчивъ и повѣритъ сказкѣ,
Я сдѣлаю, что будетъ радъ назваться
Винченціо и даже поручиться
Передъ Баптистой, какъ и самъ Винченцо.
А для успѣха вы меня оставьте.

(Люченціо и Бьянка уходятъ.)

Входитъ ПЕДАНТЪ.

ПЕДАНТЪ.

Здоровы будьте!

ТРАНІО.

Здравствуйте, синьоръ!
Вы остаетесь здѣсь или въ дорогу?

ПЕДАНТЪ.

Я погожу недѣлю или двѣ,
А тамъ опять въ дорогу, въ Римъ и дальше,
И въ Триполи, коль, Богъ дастъ, доживу.

ТРАНІО.

Откуда вы?

ПЕДАНТЪ.

Изъ Мантуи я родомъ.

ТРАНІО.

Изъ Мантуи? О, сохрани васъ Богъ!
Вы въ Падуѣ — и вамъ за жизнь не страшно?

ПЕДА Н Т Ъ .

За жизнь? Да отчего же? Это что-то страшно.

ТРА Н І О .

Всѣхъ мантуанцевъ въ Падуѣ казнятъ —
Ужель не знали вы? Венеціянцы
Задерживаютъ ваши корабли:
Дожъ, съ вашимъ герцогомъ враждуя лично,
Такое повелѣнье объявилъ.
Мнѣ странно! Если бы пришли вы прежде,
Вы бъ услышали это приказанье.

ПЕДА Н Т Ъ .

Синьоръ, дѣла мои выходятъ плохи!
Я изъ Флоренціи для перевода
Взялъ векселя — ихъ нужно предъявить.

ТРА Н І О .

Чтобъ вамъ, синьоръ, услугу оказать,
Вотъ посовѣтывать что вамъ теперь могу я:
Скажите мнѣ, бывали ли вы въ Пизѣ?

494

ПЕДА Н Т Ъ .

Да, какъ же, я бывалъ тамъ часто. Пиза
Своими гражданами знаменита.

ТРА Н І О .

А вы Винченціо тамъ не знавали?

ПЕДА Н Т Ъ .

Я знать не зналъ, зато слыхалъ частенько:
Купецъ, одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ.

ТРА Н І О .

Онъ мой отецъ, синьоръ — и по обличью
Вы на него значительно похожи.

БІОНДЕЛЛО (*въ сторону*).

Какъ яблоко на устрицу — не больше!

ТРА Н І О .

Чтобъ вашу жизнь спасти, синьоръ, желаю
Я въ этой крайности вамъ услужить.

Я полагаю, что съ Винченцьо сходство
Поможетъ вамъ немало въ этомъ дѣлѣ.
Возьмите имя и кредитъ его.
Вы у меня найдете помѣщенье.
За дѣло принимайтесь хорошенько.
Вы поняли, синьоръ? — и безопасно
Вы всѣ дѣла здѣсь можете окончить.
Принять услугу эту вы согласны?

ПЕДА Н Т Ъ .

О, съ благодарностью — и васъ считаю
Спасителемъ я жизни и свободы.

ТРА Н І О .

Ну, такъ пойдѣмте и уладимъ дѣло;
Однакоже я васъ предупреждаю,
Что со дня на день ждемъ отца сюда
Для заключенья брачнаго контракта
Межъ мною и младшей дочерью Баптисты.
Я обо всемъ подробно расскажу вамъ.
Пойдѣмте! Надо вамъ переодѣться.

(Уходятъ.)

СЦЕНА IV.

Комната въ загородномъ домѣ Петручіо.

Входятъ КАТАРИНА и ГРУМІО .

ГРУМІО .

Нѣтъ, я не смѣю — я клянусь вамъ жизнью!

КАТАРИНА .

Чѣмъ мнѣ обиднѣй, тѣмъ и онъ жесточе.
Онъ взялъ жену, чтобъ съ голоду морить.
И нищій, что просилъ у нашей двери,
Подачу получалъ, а коль откажутъ,
Такъ онъ въ другихъ находитъ состраданье;
А я и не умѣла, и не знала
Нужды — просить. Я голодомъ томлюся
И мучусь жаждой сна — онъ прогоняетъ
Мой сонъ проклятьями, а бранью кормитъ
И что больнѣе мнѣ, это все подъ видомъ
Любви ко мнѣ, какъ будто бы сказали
Ему, что если я усну, поѣмъ,
Такъ захвораю иль умру навѣрно.
Ну, принеси жъ мнѣ что-нибудь скорѣй;

Мнѣ все равно, была бы только пища.

ГРУМІО.

Что скажете насчетъ телячьей ножки?

КАТАРИНА.

Ну, и прекрасно. Подавай скорѣ!

ГРУМІО.

Да я боюсь, чтобъ васъ не раздражило.
Вотъ развѣ жирныхъ жареныхъ кишокъ?

КАТАРИНА.

Я ихъ люблю. Ступай за ними, Грумьо?

ГРУМІО.

Боюсь: онѣ подѣйствуютъ на желчь.
Вотъ развѣ ужъ говядины съ горчицей?

КАТАРИНА.

Да, это блюдо я люблю и очень.

ГРУМІО.

Но, вѣдь горчица будетъ горячить.

КАТАРИНА.

Говядину подай мнѣ безъ горчицы.

ГРУМІО.

Ну, нѣтъ, нельзя, синьора: безъ горчицы
Говядину вамъ Грумьо не подастъ.

КАТАРИНА.

Говядину одну, или съ горчицей.

ГРУМІО.

Такъ лучше безъ говядины горчицы.

КАТАРИНА.

Поди же вонъ сейчасъ! Ты лгунъ, насмѣшникъ:
Названіями кушаньевъ ты кормишь.
Проклятіе тебѣ и всей ватагѣ,
Которая моей бѣдѣ такъ рада!
Вонъ, говорю я, съ глазъ моихъ долой!

(Бьетъ его.)

Входятъ ПЕТРУЧІО съ блюдомъ кушанья и ГОРТЕНЗІО.

ПЕТРУЧІО.

Какъ поживаешь, Катя? Что печальна?

ГОРТЕНЗІО.

Какъ поживаете?

КАТАРИНА.

До-нельзя худо!

ПЕТРУЧІО.

Повеселѣ будь; взгляни получше.
Ты видишь, какъ я о тебѣ забочусь:
Состряпаль самъ и самъ принесъ къ тебѣ.

(Ставитъ блюдо на столъ.)

Я думаю, сказать спасибо можно;
А ты ни слова — стало быть, не вкусно, —
И хлопоталь я для тебя напрасно?
Возьмите! Эй!

КАТАРИНА.

Ахъ, нѣтъ! прошу оставьте!

ПЕТРУЧІО.

Благодарятъ за всякую услугу.
Не тронь, пока не скажешь мнѣ спасибо.

495

КАТАРИНА.

Синьоръ, я васъ благодарю за это.

ГОРТЕНЗІО.

Петручъ, стыдно! не срамись! Синьора,
Я къ вамъ подсяду — и начнемте вмѣстѣ.

ПЕТРУЧІО *(тихо Гортензіо).*

Ты съѣшь одинъ, коли меня ты любишь.
Ну, кушай, Катя — дай Богъ на здоровье!
Скорѣ кушай! Миленькая Катя,
Мы возвратимся къ нашему отцу,
Тамъ попируемъ и пощеголяемъ
Въ шелкахъ, въ брыжжахъ и въ шапочкахъ, и въ кольцахъ,
Въ маншетахъ, фижмахъ, шарфахъ, вѣрами,
Браслетами, янтарнымъ ожерельемъ
И множествомъ другихъ подобныхъ вздоровъ.

Ужь ты сыта? Портной тамъ ожидаетъ,
Чтобы покрыть тебя шумящимъ платьемъ.
Портной, войди!

Входитъ ПОРТНОЙ.

ПЕТРУЧИО.

Кажу свою работу!
Давай-ка платье.

Входитъ РАЗНОСЧИКЪ.

ПЕТРУЧИО.

Ты съ какимъ товаромъ?

РАЗНОСЧИКЪ.

Вотъ шапочка по вашему заказу.

ПЕТРУЧИО.

Да ты никакъ ее съ кастрюли сдѣлалъ?
Да это миска! Фи, какъ неприлично!
Какъ скорлупа орѣховая точно,
Иль ракушка; фи, гадость, мерзость, дрянъ!
Ребѣчья шапка! Прочь! Побольше сдѣлай!

КАТАРИНА.

Я больше не хочу: такія въ модѣ,
Теперь такія точно носятъ дамы.

ПЕТРУЧИО.

И у тебя, коль ты любезнѣй будешь,
Такая жъ будетъ.

ГОРТЕНЗИО (*въ сторону*).

Будетъ, да не скоро.

КАТАРИНА.

Я думаю, мнѣ можно говорить;
Я говорить хочу — я не ребенокъ;
И лучше васъ, да слушали меня.
А не хотите, такъ заткните уши.
Языкъ мой выскажетъ негодованье,
Которое на сердце накопилось,
Иль сердце разорвется. Я желаю
Теперь въ словахъ своихъ имѣть свободу.

ПЕТРУЧИО.

Вотъ правда! Шапка эта не годится!
Пастеть, игрушка, шелковый пирогъ!

Не нравится тебѣ? Люблю за это!

КАТАРИНА.

Мнѣ нравится, люби иль не люби;
Ее хочу, иль никакой не надо.

ПЕТРУЧІО.

Про платье ты? Портной, подай-ка платье!
О, Боже мой, да что жъ за маскарадъ?
А это что? рукавъ? Ну, нѣтъ — мортира...
Защипано, какъ яблочный пирогъ.
А складокъ-то, а вырѣзокъ, прорѣзовъ —
Ну, точно у цырюльника въ курилкѣ.
Ахъ, чортъ возьми! Портной, ты что же это?

ГОРТЕНЗИО (*въ сторону*).

Не будетъ ей ни шапочки, ни платья.

ПОРТНОЙ.

Вы приказали сшить мнѣ хорошенько
И — чтобы было по послѣдней модѣ.

ПЕТРУЧІО.

Такъ сшить же, ты припомни, хорошенько:
Я не велѣлъ тебѣ по модѣ портить.
Пошелъ же вонъ! Ступай къ себѣ домой
И на меня ты больше не работай:
Не надо дряни. Убирайся вонъ!

КАТАРИНА.

Я никогда не видывала платья
Красивѣе и болѣе со вкусомъ.
Вамъ хочется, чтобы я одѣлась куклой.

ПЕТРУЧІО.

Да, нарядить тебя онъ хочетъ куклой.

ПОРТНОЙ. Она говоритъ, что ваша милость хочетъ нарядить ее куклой.

ПЕТРУЧІО.

Чудовищная дерзость! Лжешь ты, нитка,
Наперстокъ, мѣлъ, аршинъ, подкладка, четверть,
Три четверти аршина, поль-аршина,
Вершокъ, блоха, сверчокъ! Моталка нитокъ
Смѣется надо мной въ моемъ же домѣ!
Такъ вонъ лоскутъ! вонъ, ты, тряпье, остатокъ,
Иль смѣрю я тебя твоимъ аршиномъ —
И ты всю жизнь уже не будешь врать.

Я говорю, что ты изгадилъ платье.

ПОРТНОЙ.

Вы, ваша честь, ошиблись. Платье сшито,
Какъ вы хозяину велѣли. Грумю
Намъ отдалъ приказаніе, какъ сдѣлать.

ГРУМИО.

Я не приказъ — матерію вамъ отдалъ.

ПОРТНОЙ.

Но вы сказали тоже, какъ и шить.

ГРУМИО.

Вотъ хорошо! Какъ шить? Иголкой съ ниткой.

ПОРТНОЙ.

Вы развѣ не назначили покроя?

ГРУМИО.

И много платьевъ ты перекроилъ?

ПОРТНОЙ. Да.

ГРУМИО. Ты не вздумай и меня

496

перекроить по своему. Одѣтъ — ты одѣнешь, а поддѣтъ меня — не поддѣнешь. Я велѣлъ твоему хозяину выкроить платье, а не говорилъ, чтобъ онъ искроилъ его въ мелкіе куски: ergo — ты врешь!

ПОРТНОЙ. Да вотъ и записка, какъ сшить его: она докажетъ вамъ.

ПЕТРУЧИО. Читай!

ГРУМИО. Записка вретъ, если говорить, что я говорилъ такъ.

ПОРТНОЙ (*читаетъ*). «Imprimis: широкое платье»...

ГРУМИО. Синьоръ, если я когда-нибудь говорилъ: «широкое платье», такъ зашейте меня въ подоль его и бейте моткомъ нитокъ до тѣхъ поръ, пока я издохну. Я сказалъ: «платье»...

ПЕТРУЧИО. Далѣ!

ПОРТНОЙ (*читаетъ*). «Съ маленькимъ, кругленькимъ, воротничкомъ»...

ГРУМИО. Воротничокъ — такъ.

ПОРТНОЙ (*читаетъ*). «Съ короткимъ рукавомъ»...

ГРУМИО. Съ двумя рукавами.

ПОРТНОЙ (*читаетъ*). «Красиво вырѣзанными»...

ПЕТРУЧИО. Вотъ это-то и гадко!

ГРУМИО. Вретъ записка, синьоръ! Я сказалъ, чтобъ рукава выкроили, а потомъ пришили, и я это докажу тебѣ, хоть твой палецъ и въ наперсткѣ.

ПОРТНОЙ. Все, что я говорилъ — правда, и встрѣнь я тебя не здѣсь, ты бы узналъ меня!

ГРУМИО. Что жъ, я не прочь! Дай мнѣ свой аршинъ, а самъ возьми эту записку и не жалѣй меня.

ГОРТЕНЗИО. Полно, Грумио! бой будетъ неравень.

ПЕТРУЧИО.

Сказать короче, платье не по мнѣ.

ГРУМИО.

Да, сшито не по васъ — по госпожѣ.

ПЕТРУЧИО (*бросивъ платье*).

Ну, подымай! И какъ хозяинъ хочетъ...

ГРУМИО. Негодяй, берегись! Поднять платье моей госпожи для твоего хозяина!

ПЕТРУЧИО. Вотъ что выдумалъ! Что хочешь ты сказать?

ГРУМИО. Нѣтъ, синьоръ, это дѣло гораздо важнѣе, чѣмъ вы полагаете. Поднять платье нашей госпожи для его хозяина — фи! фи!

ПЕТРУЧИО (*тихо Гортензио*).

Скажи портному, что ему заплатятъ.

(*Громко портному.*)

Что толковать! Бери и убирайся!

ГОРТЕНЗИО (*тихо портному*).

Тебѣ заплатятъ завтра. Ты молчи,
На брань его не обращай вниманья,
Ступай домой! Хозяину поклонь!

(*Портной уходитъ.*)

ПЕТРУЧИО.

Такъ ѣдемъ, ѣдемъ, Катя! Ты поѣдешь
Къ отцу въ простомъ обыкновенномъ платьѣ,
Хоть платье бѣдно, да въ карманѣ много:
Душой богато только наше тѣло.
Сквозь черныхъ тучъ просвѣчиваетъ солнце;
Подъ рубищемъ замѣтно благородство.
Ужель сорока жаворонка лучше
Лишь оттого, что перьями пестрѣе?
Не лучше развѣ угорь, чѣмъ змѣя,
Хоть кожа у змѣи для глазъ пріятнѣй?
Нѣтъ, Катя, нѣтъ — и мы не будемъ хуже,
Будь твой нарядъ и простъ, и даже бѣдень;
А если думаешь, что это стыдно,

Ты на меня скажи. Будь веселѣй:
Мы пировать и праздновать поѣдемъ.
Скажи, чтобъ люди наготовѣ были:
Мы ѣдемъ — лошадямъ стоять за тыномъ;
Мы тамъ и сядемъ, а туда — пѣшкомъ.
Мнѣ кажется, что нѣтъ еще семи
И, стало быть, къ обѣду мы поспѣемъ.

КАТАРИНА.

Теперь ужъ два, синьоръ; я увѣряю,
Едва ли мы и къ ужину поспѣемъ.

ПЕТРУЧІО.

Ну, до семи я не поѣду. Видишь,
Что ни скажи, ни сдѣлай, ни задумай —
Ты все напротивъ. Нынче я не ѣду —
И не поѣду я, пока не будетъ
Тотъ самый часъ, какой угодно мнѣ

ГОРТЕНЗИО (*въ сторону*).

Вотъ это такъ! И солнцемъ править хочетъ!

СЦЕНА V.

Падуя. Передъ домомъ Баптисты.

Входятъ ТРАНИО и ПЕДАНТЬ.

ТРАНИО.

Вотъ домъ Баптисты. Можно постучать?

ПЕДАНТЬ.

Стучите! Если я не ошибаюсь,
Меня синьоръ Баптиста долженъ вспомнить:
Тому лѣтъ двадцать, мы стояли вмѣстѣ
Съ нимъ въ Генуѣ, въ гостинницѣ Пегаса.

ТРАНИО.

Ну, хорошо! Выдерживайте роль
Важнѣе, стороже, какъ отцу прилично.

Входитъ БІОНДЕЛЛО.

ПЕДАНТЬ.

Не безпокойтесь. Да не худо бъ было
Вамъ своего слугу предупредить.

ТРАНІО.

О немъ не безпокойтесь. Біонделло,
Не забывайся. Ты представь себѣ,
Что это самъ Винченцо настоящій.

БІОНДЕЛЛО.

Меня не бойтесь: я за все отвѣчу.

ТРАНІО.

Исполнилъ ли мое ты порученье?

БІОНДЕЛЛО.

Сказалъ, что изъ Венеціи день за день
Мы ожидаемъ вашего отца.

ТРАНІО.

Ты славный малый: вотъ тебѣ на водку!
Вотъ и Баптиста! Будьте посмѣлѣе.

Входятъ БАПТИСТА и ЛЮЧЕНЦІО.

ТРАНІО (*Педанту*).

Синьоръ Баптиста очень радъ васъ видѣть.
Синьоръ, вонъ тотъ, о комъ мы говорили,
Прошу васъ, будьте истиннымъ отцомъ:
Взамѣнъ наслѣдства мнѣ отдайте Бьянку.

ПЕДАНТЬ.

Ты тише, сынъ мой, тише! (*Баптистѣ*).
Я, съ позволенья вашего, пріѣхалъ
Къ вамъ въ Падую, чтобы собрать долги —
И услыхалъ я здѣсь о важномъ дѣлѣ:
О томъ, что сынъ мой любитъ вашу дочь.
Про васъ, синьоръ, я слышалъ очень много
Хорошаго; про ихъ любовь другъ к другу
Я тоже знаю. Какъ отецъ хорошій,
Я не хочу томить ихъ, и согласенъ
На этотъ бракъ; и если вы, синьоръ,
Не противъ этого, то я сейчасъ же
Готовъ контрактъ ихъ брачный подписать —
Условія отъ васъ зависѣтъ будутъ.
Изъ уваженія, что я имѣю
Къ особѣ вашей, я не смѣю спорить.

БАПТИСТА.

Вы извините рѣчь мою, синьоръ.

Мнѣ прямота и откровенность ваша
Понравилась. О, дочь мою онъ любитъ;
Да и она его, или же оба
Они, притворствуя, въ любовь играютъ.
И если вы поступите съ нимъ такъ,
Какъ слѣдуетъ отцу — и укрѣпите
Приличный даръ за дочерью моею,
То бракъ рѣшенъ, все слажено: вашъ сынъ
Ее получить съ моего согласья.

ТРАНІО.

Благодарю, синьоръ. Скажите только,
Гдѣ будетъ лучше совершить контрактъ
По нашимъ обоюднымъ соглашеніямъ?

БАПТИСТА.

Не у меня. Ты знаешь, въ нашемъ домѣ
У стѣны есть уши, дворня велика,
И Греміо-старикъ все насторожѣ.
Они еще, пожалуй, помѣшаютъ.

ТРАНІО.

Такъ у меня; для васъ удобно это:
Тамъ и отецъ живетъ. Сегодня ночью
Мы кончимъ дѣло тихо, безъ помѣхи.
Пошлите Камбіо за вашей Бьянкой,
А я слугу за маклеромъ пошлю.
Жаль одного, что времени немного
И угощенье будетъ незавидно.

БАПТИСТА.

Пожалуй. (*Люченціо.*) Камбіо, ступай домой.
Скажи, чтобъ Бьянка собралась скорѣе.
И расскажи, пожалуй, если хочешь,
Что въ Падую отецъ Люченцьо прибылъ
И что она женой Люченцьо будетъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Молю боговъ, чтобъ это такъ и было!

ТРАНІО.

Ну, что тутъ боги? Ты ступай скорѣе!
Синьоръ, угодно слѣдовать за мною?
Что дѣлать: ужинъ будетъ небогатый,
Но въ Пизѣ васъ мы лучше угостимъ.

БАПТИСТА.

Ну, идемте!

(Траніо, Педантъ и Баптиста уходятъ.)

БІОНДЕЛЛО. Камбіо!

Люченціо. Что, Біонделло?

БІОНДЕЛЛО. Видѣли вы, какъ господинъ мой вамъ кивалъ головой и смѣялся?

Люченціо. Что жъ изъ этого, Біонделло?

БІОНДЕЛЛО. Ничего. Онъ поручилъ мнѣ передать вамъ смыслъ его намековъ.

Люченціо. Ну, такъ передавай.

БІОНДЕЛЛО. Вотъ, видите ли, Баптиста, по добру по здорову, болтаетъ теперь съ ложнымъ отцомъ ложнаго сына.

Люченціо. Ну, что жъ?

БІОНДЕЛЛО. А васъ послалъ привести дочь къ ужину.

Люченціо. Потомъ?

БІОНДЕЛЛО. Старый попъ церкви святого Луки къ вашимъ услугамъ, когда угодно.

Люченціо. Ну, что жъ изъ всего этого?

БІОНДЕЛЛО. Не знаю. Впрочемъ, пока они хлопчуть о подписаніи ложнаго контракта, почему жъ бы вамъ не сдѣлать настоящаго контракта *cum privilegio ad imprimendum solum*? Ступайте въ церковь, да захватите съ собой попа и достаточное число порядочныхъ свидѣтелей. Если хотите, такъ мнѣ нечего и говорить больше:

А вамъ, синьоръ, и нечего здѣсь ждать,

И вѣкъ весь со днемъ Бьянки не видать.

Люченціо. Послушай, Біонделло.

БІОНДЕЛЛО. Нѣтъ, мнѣ некогда ждать. Я знаю, что одна дѣвушка обвѣнчалась въ самый полдень, когда пошла въ садъ за петрушкой для начинки кролика. И вы

498

дѣлайте то же, синьоръ — и прощайте, синьоръ. Мнѣ надобно сбѣгать еще въ церковь св. Луки, сказать попу, чтобъ онъ готовъ былъ встрѣтить васъ, когда явитесь вы съ придачей. (*Убѣгаетъ.*)

Люченціо.

Я такъ и сдѣлаю, коль согласится;

Что жъ согласится, въ этомъ нѣтъ сомнѣнья.

Скажу ей прямо, и пускай, какъ хочетъ:

Ужель напрасно Камбіо хлопчеть?

СЦЕНА VI.

Большая дорога.

Входятъ ПЕТРУЧІО, КАТАРИНА, ГОРТЕНЗІО и слуги.

ПЕТРУЧІО.

Скорѣй, скорѣе — вѣдь къ отцу мы ѣдемъ!
О, Боже мой, какъ ярко свѣтитъ мѣсяць!

КАТАРИНА.

Не мѣсяць — солнце: мѣсяцу не время.

ПЕТРУЧІО.

Я говорю, что это мѣсяць свѣтитъ.

КАТАРИНА.

Я говорю, что это солнце свѣтитъ.

ПЕТРУЧІО.

Клянуся сыномъ матери моей,
А этотъ сынъ — я самъ, что это мѣсяць,
Что это звѣзды — все, что мнѣ угодно,
Иль я не ѣду. Эй, ворочать коней!
Противорѣчитьъ — все противорѣчитьъ!

ГОРТЕНЗІО (*Катаринѣ*).

Будь по его, иначе — не поѣдемъ.

КАТАРИНА.

Нѣтъ, ради Бога! Мы почти ужъ дома.
Будь мѣсяць, солнце — все, что вамъ угодно,
Коли хотите, ночникомъ зовите —
Я обѣщаю, что согласна буду.

ПЕТРУЧІО.

Я говорю, что мѣсяць.

КАТАРИНА.

Да, я знаю.

ПЕТРУЧІО.

Неправда: благодѣтельное солнце.

КАТАРИНА.

И точно — благодѣтельное солнце.
А скажешь, что не солнце — такъ не солнце;
Луна измѣнится, коль ты захочешь.
А что ты скажешь, такъ оно и есть
И тѣмъ останется для Катарини.

ГОРТЕНЗІО (*тихо Петручіо*).

Петруччо, въ путь: ты одержалъ побѣду.

ПЕТРУЧЧІО.

Теперь впередъ, друзья! Вотъ такъ! По склону
И долженъ шаръ катиться, а не въ гору.
Потише, стойте: кто-то къ намъ подходитъ!

Входитъ Винченціо.

ПЕТРУЧЧІО (*къ Винченціо*).

Богъ помочъ вамъ, синьора! Какъ спѣшите!
Скажи мнѣ, Катя, по душѣ: видала ль
Когда-нибудь ты дѣвушку прекраснѣй?
Какъ съ бѣлизною спорить въ ней румянецъ!
Нѣтъ, звѣзды неба такъ не украшали,
Какъ эти глазки, нѣжное лицо.
Еще поклонъ тебѣ, краса-дѣвица,
Поди же, Катя, обними ее.

ГОРТЕНЗІО. Онъ взбѣситъ этого человѣка, превращая его въ женщину.

КАТАРИНА.

О, юная прекрасная дѣвица,
Куда идешь теперь и гдѣ живешь ты?
Какъ счастливы родители тобою;
Но тотъ, кому тебя назначать звѣзды
Въ подруги взять — еще счастливей будетъ!

ПЕТРУЧЧІО.

Помилуй, Катя, ты съ ума сошла!
Да это старецъ дряхлый, изможденный
И сморщенный, а не дѣвица вовсе.

КАТАРИНА.

Прости, отецъ, глазамъ моимъ ошибку!
Сіянье солнца ослѣпило ихъ —
И мнѣ теперь все кажется зеленымъ.
Теперь я вижу: ты почтенный старецъ.
Прости меня за глупую ошибку!

ПЕТРУЧЧІО.

Прости ее, старикъ. Скажи-ка намъ,
Куда идешь? Коль будетъ по дорогѣ,
Такъ твоему товариществу рады.

ВИНЧЕНЦІО.

Синьоръ и вы, шутливая синьора,
Меня своимъ привѣтомъ удивили.

Меня зовутъ Винченцо; я изъ Пизы
Пріѣхалъ въ Падую, чтобъ повидаться
Съ сынкомъ, котораго давно не вижу.

ПЕТРУЧІО.

Какъ звать его?

ВИНЧЕНЦІО.

Люченціо, синьоръ.

ПЕТРУЧІО.

Для сына твоего счастлива встрѣча.
Теперь тебя не только что по лѣтамъ,
Могу назвать отцомъ и по закону:
Твой сынъ теперь женился на сестрѣ
Жены моей, прекрасной этой дамы.
Не удивляйся и не огорчайся:
Она красива и съ большимъ приданымъ;
По роду жъ своему, по воспитанью
Не осрамитъ любого дворянина.
Позволь обнять тебя, Винченцо. Вмѣстѣ
Поѣдемъ къ сыну. Какъ онъ будетъ радъ!

ВИНЧЕНЦІО.

Да правда ли? Вы шутите опять?
Дорожные нерѣдко позволяютъ
Себѣ такія шутки межъ собой.

499

ГОРТЕНЗІО.

Нѣтъ, увѣряю васъ, синьоръ, что правда.

ПЕТРУЧІО.

Ну, такъ поѣдемъ — и увѣрься самъ:
Отъ нашихъ шутокъ сталъ ты недовѣрчивъ.

(Петручіо, Катарина и слуга уходятъ.)

ГОРТЕНЗІО.

Спасибо, другъ; ты духу придалъ мнѣ.
Теперь — къ вдовѣ. Благодаря наукѣ,
Ужъ я теперь ей не поддамся въ руки.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Падуя. Передъ домомъ Люченціо.

*Съ одной стороны входятъ БІОНДЕЛЛО, Люченціо и Бьянка, ГРЕМІО
прохаживается по другой сторонѣ.*

БІОНДЕЛЛО. Тихонько и поскорѣе, синьоръ: пасторъ васъ ждетъ.

Люченціо. Лечу, Біонделло; но ты, можетъ-быть, понадобитсяъ дома, потому
оставь насъ.

БІОНДЕЛЛО. Нѣтъ; прежде вы будете въ церкви, а потомъ побѣгу я къ
господину, какъ можно скорѣе.

(Люченціо, Бьянка и Біонделло уходятъ.)

ГРЕМІО. Странно, что Камбіо до сихъ поръ не приходитъ!

Входятъ ПЕТРУЧІО, КАТАРИНА, ВИНЧЕНЦІО, ГРУМІО и слуги.

ПЕТРУЧІО.

Вотъ двери дома, гдѣ вашъ сынъ живетъ;
Мой тестъ живетъ вонъ тамъ, поближе къ рынку.
Я васъ оставляю: у меня есть дѣло.

ВИНЧЕНЦІО.

Синьоръ, для встрѣчи разопьемъ бутылку.
Надѣюсь, здѣсь я то же, что хозяинъ:
Найдется намъ и закусить кой-что.

(Стучитъ.)

ГРЕМІО. Тамъ чѣмъ-нибудь заняты: надо стучать посильнѣе.

ПЕДАНТЪ показывается изъ окошка.

ПЕДАНТЪ. Кто это такъ колотитъ, какъ будто хочетъ выломать двери?

ВИНЧЕНЦІО. Дома синьоръ Люченціо?

ПЕДАНТЪ. Дома, синьоръ, но нельзя его видѣть.

ВИНЧЕНЦІО. Ну, а если бы кто-нибудь принесъ ему сто или двѣсти
фунтовъ на удовольствіе?

ПЕДАНТЪ. Поберегите эти сто фунтовъ для себя. Онъ не будетъ
нуждаться въ деньгахъ, пока я живъ.

ПЕТРУЧІО. Я сказалъ вамъ, что сына вашего любятъ въ Падуѣ. *(Педанту.)*
Но, послушайте, синьоръ! Безъ дальнихъ разговоровъ, скажите Люченціо, что
его отецъ пріѣхалъ изъ Пизы и ждетъ его у дверей, чтобы поговорить съ нимъ.

ПЕДАНТЪ. Ты лжешь! отецъ его пріѣхалъ изъ Пизы и теперь смотритъ
изъ окна.

ВИНЧЕНЦІО. Развѣ ты отецъ его?

ПЕДАНТЪ. Да, синьоръ, такъ говорила его мать, если только вѣрить ей.

ПЕТРУЧІО *(къ Винченціо)*. Что это значитъ, другъ? Плоская шутка — брать
на себя чужое имя.

ПЕДАНТЬ. Схватите негодя! Онъ хочетъ кого-нибудь надуть здѣсь подѣ моимъ именемъ.

Входитъ БІОНДЕЛЛО.

БІОНДЕЛЛО. Я видѣлъ ихъ въ церкви вмѣстѣ. Дай имъ Богъ счастливаго плаванія!.. Это что? Мой старый господинъ Винченціо! Ну, попались мы — и конецъ намъ всѣмъ!

ВИНЧЕНЦИО (*къ Біонделло*). Поди-ка сюда, пеньковая мычка!

БІОНДЕЛЛО. Надѣюсь, что я имѣю свою волю.

ВИНЧЕНЦИО. Подойди, говорю тебѣ! Какъ, бездѣльникъ, развѣ ты забылъ меня?

БІОНДЕЛЛО. Васъ забыть — нѣтъ, синьоръ, я не могъ васъ забыть, потому что никогда въ жизни васъ не видывалъ.

ВИНЧЕНЦИО. Какъ! Ты, разбойникъ, никогда не видалъ отца своего господина, Винченціо?

БІОНДЕЛЛО. Что? моего стараго, почтеннаго господина? О, нѣтъ! Вотъ онъ смотритъ изъ окна.

ВИНЧЕНЦИО (*бьетъ его*). Это ты вправду?

БІОНДЕЛЛО. Помогите, помогите! какой-то сумасшедшій хочетъ убить меня! (*Убѣгаетъ*).

ПЕДАНТЬ. Помогите! Сынъ мой! синьоръ Баптиста! (*Отходитъ отъ окна*).

ПЕТРУЧИО. Катя, станемъ къ сторонкѣ и посмотримъ, чѣмъ кончится эта исторія.

(Отходятъ въ сторону).

ПЕДАНТЬ, БАПТИСТА, ТРАНИО *и слуги выходятъ на улицу.*

ТРАНИО. Что вы за человекъ, синьоръ, что смѣете бить моего слугу?

ВИНЧЕНЦИО. Кто я? Нѣтъ, кто ты? Безсмертные боги! О, бездѣльникъ! Шелковая куртка, бархатные штаны, пурпуровый плащъ, остроконечная шляпа! Я разорень, разорень! Я хлопочу дома, какъ добрый хозяинъ, а сынъ мой и слуга проматываютъ здѣсь все.

500

ТРАНИО. Что такое? Про что вы это?

БАПТИСТА. Что онъ — помѣшанный, что ли?

ТРАНИО. Синьоръ, по наружности и по платью вы, кажется, степенный человекъ, а по рѣчамъ вы сумасшедшій. Какое вамъ дѣло, что я ношу жемчугъ и золото? Благодаря доброму отцу, я имѣю средства на это.

ВИНЧЕНЦИО. Твой отецъ! О, негодяй! твой отецъ работаетъ паруса въ Бергамо.

БАПТИСТА. Вы ошибаетесь, вы ошибаетесь, синьоръ! А какъ, по вашему мнѣнію, его имя?

ВИНЧЕНЦИО. Какъ его имя? Мнѣ ли не знать его имени? Я воспиталъ его съ двухъ лѣтъ; его имя Транио.

ПЕДАНТЬ. Поди ты, безумный осель! Его имя Люченціо; онъ единственный сынъ и наслѣдникъ всего моего, то-есть синьора Винченціо, имѣнія.

ВИНЧЕНЦИО. Люченціо? О, онъ убилъ своего господина! Возьмите его — приказываю вамъ именемъ герцога! Сынъ мой! сынъ мой! Скажи, разбойникъ, гдѣ сынъ мой Люченціо?

ТРАНИО. Позвать полицію. (*Слуга уходитъ.*) Ведите этого сумасшедшаго въ тюрьму. Батюшка Баптиста, потрудитесь присмотрѣть, чтобъ его отправили.

ВИНЧЕНЦИО. Меня отправитъ въ тюрьму?

СЛУГА *возвращается съ Полицейскимъ.*

ГРЕМИО. Остановитесь, господинъ офицеръ! онъ не пойдетъ въ тюрьму.

БАПТИСТА. Оставьте, синьоръ Греміо; я вамъ говорю, что онъ пойдетъ въ тюрьму.

ГРЕМИО. Берегитесь, синьоръ Баптиста, чтобъ вамъ не запутаться въ этой исторіи. Я готовъ вамъ поклясться, что это настоящій Винченціо.

ПЕДАНТЬ. Ну, клянись, если смѣешь.

ГРЕМИО. Нѣтъ, не смѣю.

ТРАНИО. Пожалуй, ты скажешь, что и я не Люченціо?

ГРЕМИО. Нѣтъ, я знаю, что ты синьоръ Люченціо.

БАПТИСТА. Прочь этого стараго дурака! въ тюрьму его!

ВИНЧЕНЦИО. Вотъ какъ притѣсняютъ и обижаютъ здѣсь иностранцевъ! О, чудовище! злодѣй!

Входятъ Бюнделло, Люченціо и Бьянка.

БЮНДЕЛЛО. О, мы погибли! Вотъ онъ! Откажитесь отъ него, отрекитесь отъ него, или мы всѣ погибли!

ЛЮЧЕНЦИО (*на колыняхъ*).

Простите, батюшка!

ВИНЧЕНЦИО.

Ты живъ, мой сынъ?

(*Бюнделло, Траніо и Педантъ убѣгаютъ.*)

БЬЯНКА (*Баптистъ*).

Меня простите!

БАПТИСТА.

Въ чемъ ты виновата?

А гдѣ Люченціо?

ЛЮЧЕНЦИО.

Я, я Люченцо,

Я настоящій сынъ Винченцо.

Мы съ вашей дочкой тайно обвѣнчались,

Пока съ поддѣльными вы оставались.

Греміо. Ну, такъ ловкой же штукой они насъ надули!

ВИНЧЕНЦІО.

Что жъ, Траніо, мошенника, не видно?
Онъ мнѣ въ глаза смѣялся преобидно.

БАПТИСТА (*Люченціо*).

Скажите мнѣ, да развѣ вы не Камбьо?

БЪЯНКА.

Изъ Камбіо въ Люченцьо превратился.

ЛЮЧЕНЦІО.

Все это чудо сдѣлала любовь:
Я отдалъ Траніо свое прозванье —
И вотъ, пока онъ представлялъ меня,
Я къ пристани благополучно прибылъ
И счастье желанное нашель.
Здѣсь Траньо дѣлалъ, что ему велѣли.
Вы для меня, синьоръ, его простите.

ВИНЧЕНЦІО. Я разобью носъ этому мошеннику, который хотѣлъ меня отправить въ тюрьму.

БАПТИСТА. Но, послушайте, синьоръ, вы женились на моей дочери, не спрося у меня позволенія.

ВИНЧЕНЦІО.

Не бойтесь, вы останетесь довольны.
А все-таки за дерзость накажу я. (*Уходитъ*).

БАПТИСТА.

А толку все-таки не нахожу я. (*Уходитъ*.)

ЛЮЧЕНЦІО (*Бьянкъ*).

Ты не блѣднѣй: сердиться онъ не будетъ.

(*Уходятъ*.)

ГРЕМІО (*уходя*).

Пропало все; но я къ нимъ въ домъ войду;
Хоть въ дуракахъ, а ужинъ тамъ найду.

ЛЮЧЕНЦІО и КАТАРИНА *подходятъ*.

КАТАРИНА.

Посмотримъ, другъ, чѣмъ кончится все это!

ПЕТРУЦІО.

Пойдемъ, но прежде поцѣлуй меня.

КАТАРИНА. Какъ, посреди улицы?

ПЕТРУЧИО. Что жъ, ты стыдишься меня?

КАТАРИНА. Нѣтъ, клянусь Богомъ! но мнѣ стыдно цѣловать.

ПЕТРУЧИО.

Ну, такъ домой! Эй, вы! скорѣй назадъ собирайтесь!

501

КАТАРИНА.

Нѣтъ, поцѣлую я: прошу тебя остаться.

(Цѣлуетъ его.)

ПЕТРУЧИО.

Ну, чѣмъ же худо? Катя, лучше поздно,
Чѣмъ никогда: разъ лучше, чѣмъ ни разу.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Тамъ же. Комната въ домѣ Люченціо. Посрединѣ накрытый столъ.

Входятъ Люченціо, Бьянка, Петручио, Катарина, Баптиста, Винченціо, Греміо, Педантъ, Гортензіо и Жена его; Траніо, Бюнделло, Груміо и другіе прислуживаютъ.

Люченціо.

Ну, вотъ мы, послѣ долгихъ несогласій,
Сошлись въ созвучіе; война проходитъ,
И мы смѣемся миновавшимъ страхамъ.
Проси же, Бьянка, моего отца;
Я твоего просить съ почтеніемъ буду.
Петруччо братъ, сестрица Катарина,
И ты, Гортензью, съ любящей супругой
Привѣтъ мой вамъ; пируйте, веселитесь
Мой пиръ веселье наше завершить.
Прошу я васъ садиться, господа:
Мы будемъ и болтать и кушать вмѣстѣ.

ПЕТРУЧИО.

И все сидѣть да ѣсть, сидѣть да ѣсть!

БАПТИСТА.

Извѣстна Падуя гостепріимствомъ.

ПЕТРУЧИО.

Всѣ въ Падуѣ привѣтливы — я знаю.

ГОРТЕНЗИО.

Для насъ двоихъ я этого желалъ бы.

ПЕТРУЧИО.

Клянусь, Гортензю за жену боится!

ЖЕНА ГОРТЕНЗИО.

Нѣтъ, я синьоръ, совсѣмъ небоязлива.

ПЕТРУЧИО.

Хоть вы умны, а поняли не такъ.

Хочу сказать: Гортензю васъ боится.

ЖЕНА ГОРТЕНЗИО.

Кто угорѣлъ, предъ тѣмъ весь свѣтъ кружится.

ПЕТРУЧИО.

Отвѣтъ прямой.

КАТАРИНА.

Что значитъ ваша фраза?

ЖЕНА ГОРТЕНЗИО.

Она во мнѣ родилась чрезъ него.

ПЕТРУЧИО.

Черезъ меня! Гортензио что скажетъ?

ГОРТЕНЗИО.

Жена моя сказала, что она

Такъ словъ своихъ значенье понимаетъ.

ПЕТРУЧИО (*женѣ Гортензио*).

Поправилъ все. Цѣлуйте же его!

КАТАРИНА.

«Кто угорѣлъ, предъ тѣмъ весь свѣтъ кружится» —

Я васъ прошу мнѣ это объяснить.

ЖЕНА ГОРТЕНЗИО.

Вашъ мужъ отъ злости вашей закружился

И тужить о моемъ, что онъ женился.

Вотъ мысль мою вы знаете теперь!

КАТАРИНА.

Мысль жалкая!

ЖЕНА ГОРТЕНЗИО.

Я думала о васъ.

КАТАРИНА.

Конечно, я жалка въ сравненьи съ вами.

ПЕТРУЧИО.

Смѣлѣе, Катя.

ГОРТЕНЗИО (*женѣ*).

Милая, смѣлѣй.

ПЕТРУЧИО.

Держу сто марокъ; Катя верхъ возьметъ.

ГОРТЕНЗИО.

Ну, нѣтъ, синьоръ, ужъ это наше дѣло.

ПЕТРУЧИО.

Ты дѣловой, такъ за твое здоровье! (*Пьетъ*.)

БАПТИСТА (*Гремю*).

Какъ нравятся вамъ эти остряки?

ГРЕМИО.

Синьоръ, они бодаются отлично.

БЪЯНКА.

Бодаются? Ужъ вы себѣ оставьте
Рогатыя способности свои.

ВИНЧЕНЦИО.

Ай, молодая! И она проснулась.

БЪЯНКА.

Но безъ испуга: я опять засну.

ПЕТРУЧИО.

Мы не дадимъ. Вы начали такъ ждите,
Что и на васъ двѣ-три насмѣшки будутъ.

БЪЯНКА.

Но если вы въ меня стрѣлять хотите,
Какъ въ птицу, я перелечу въ кусты:
Вотъ и ловите. Господа, прощайте.

(Бьянка, Катарина и жена Гортензіо уходятъ.)

ПЕТРУЧІО.

Не дождалась отвѣта. Бѣдный Граньо
По этой птичкѣ мѣтился — да мимо.
Здоровье всѣхъ, кто промахи даетъ!

ТРАНІО.

Я былъ собакой своего синьора,
А гончія для господина ловятъ.

ПЕТРУЧІО.

Сравненье складное, хоть и собачье.

502

ТРАНІО.

Пеняйте на себя; на васъ олень
Уставился и ходу не даетъ.

БАПТИСТА.

Ого, Петручьо! Онъ въ тебя попалъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Ну, Траніо, спасибо за насмѣшку.

ГОРТЕНЗІО.

Ну, признайся, онъ тебя задѣлъ.

ПЕТРУЧІО.

Я признаюсь, что онъ задѣлъ немного;
Но въ десять разъ закладую — задѣла
Меня стрѣла, а васъ насквозь пробила.

БАПТИСТА.

Но, къ моему прискорбью, сынъ, Петручьо,
Мнѣ кажется, твоя жена всѣхъ злѣе.

ПЕТРУЧІО.

Такъ нѣтъ же, говорю. Я докажу вамъ:
Попробуйте за женами пошлите —
Пусть каждый за своей — и тотъ, чья прежде
Послушаетъ и выйдетъ, пусть беретъ
Закладъ, который мы сейчасъ назначимъ.

ГОРТЕНЗІО.

Согласенъ я. Какой закладъ?

ЛЮЧЕНЦІО.

Кронъ двадцать.

ПЕТРУЧІО.

Какъ, двадцать кронъ? Да я держу постольку
За сокола и за мою собаку,
А за жену я въ двадцать разъ держу.

ЛЮЧЕНЦІО.

Ну, сто.

ГОРТЕНЗІО.

Пожалуй.

ПЕТРУЧІО.

Ну, идетъ, идетъ!

ГОРТЕНЗІО.

А кто начнетъ?

ЛЮЧЕНЦІО.

Да я. Эй, Бюнделло!
Скажи женѣ, чтобы сюда явилась.

БЮНДЕЛЛО.

Иду. (*Уходитъ.*)

БАПТИСТА.

Я въ половинѣ, что придетъ.

ЛЮЧЕНЦІО.

Зачѣмъ дѣлиться? Я одинъ отвѣчу.

БЮНДЕЛЛО *возвращается.*

ЛЮЧЕНЦІО.

Что новаго?

БЮНДЕЛЛО.

Синьора вамъ велѣла
Сказать, что занята и — быть не можетъ.

ПЕТРУЧІО.

Вотъ такъ-то: «занята и быть не можетъ».
Отвѣтъ ли это?

ГРЕМІО.

Да — и прелюбезный.
Смотрите, вамъ, синьоръ, отвѣтятъ хуже.

ПЕТРУЧІО.

Ну, нѣтъ; я думаю, что будетъ лучше.

ГОРТЕНЗІО (*къ Бюнделло*).

Поди, проси жену мою прійти.
Ко мнѣ сейчасъ. (*Бюнделло уходитъ*.)

ПЕТРУЧІО.

Ага! «поди проси!»
Ну, какъ ей не прійти?

ГОРТЕНЗІО.

Ну да; а вашу
И просьбами-то даже не упросишь.

БЮНДЕЛЛО *возвращается*.

ГОРТЕНЗІО.

Ну, гдѣ жена?

БЮНДЕЛЛО.

Она сказать велѣла,
Что шутите — что не поидетъ она,
И просить васъ пожаловать самихъ.

ПЕТРУЧІО.

Что дальше — хуже. Какъ, итти не хочеть?
Да это низко! Это нестерпимо!
Поди же, Грумьо, и скажи женѣ,
Что я приказываю ей явиться.

(*Грумьо уходитъ*).

ГОРТЕНЗІО.

Отвѣтъ я знаю.

ПЕТРУЧІО.

Ну?

ГОРТЕНЗІО.

«Я не пойду.»

ПЕТРУЧІО.

Тѣмъ будетъ хуже для меня — и все тутъ.

Входитъ КАТАРИНА.

БАПТИСТА.

Владычица! она идетъ сюда!

КАТАРИНА.

Что нужно вамъ, синьоръ? Зачѣмъ вы звали?

ПЕТРУЧІО.

А гдѣ жъ сестра? и гдѣ жена Гортензю?

КАТАРИНА.

Онѣ сидятъ, болтаютъ у камина.

ПЕТРУЧІО.

Поди веди ихъ; если жъ не хотятъ,
Тогда гони къ мужьямъ, чѣмъ ни попало.
Ступай и посылай ихъ непремѣнно.

(Катарина уходитъ.)

ЛЮЧЕНЦІО.

Вотъ чудо, если чуда нужно вамъ!

ГОРТЕНЗІО.

Да, чудо! Только что оно пророчить?

ПЕТРУЧІО.

Пророчить миръ, любовь и тишину,

503

Покорность и почтительный порядокъ.
Ну, словомъ, все, что счастьемъ зовутъ.

БАПТИСТА.

Такъ будь же счастливъ, добрый мой Петручю!
Ты выигралъ закладъ, а я прибавлю
Къ закладнымъ деньгамъ двадцать тысячъ кронъ.
Другая дочь — приданое другое;
Она не та — совсѣмъ другая стала.

ПЕТРУЧІО.

Два раза я бы выигралъ закладъ...
Хотите, вамъ еще разъ покажу я,
Какой она покорной, кроткой стала?

КАТАРИНА *возвращается съ Бьянкой и Женой Гортензю.*

А вотъ ведеть и вашихъ женъ, какъ плѣнницъ
Краснорѣчивыхъ женскихъ убѣжденій.
Послушай, Катя, шапочка такая
Нейдетъ къ тебѣ. Брось подъ ноги ее.

(Катарина бросаетъ шапочку.)

ЖЕНА ГОРТЕНЗИО.

О, Господи, храни меня, покуда
Не сдѣлаю подобнаго безумства!

БЪЯНКА.

Фи! стыдно! Что за глупая покорность!

ЛЮЧЕНЦИО.

Ужъ лучше бѣ ты была покорна глупо!
Отъ умной непокорности твоей
Я проигралъ за ужиномъ сто кронъ!

БЪЯНКА.

Такъ глупы вы, надѣясь на покорность.

ПЕТРУЧИО.

Тебѣ я поручаю, Катарина,
Растолковать имъ, своенравнымъ женамъ,
Обязанности ихъ къ своимъ мужьямъ.

ЖЕНА ГОРТЕНЗИО.

Оставьте: намъ проповѣдей не нужно.

ПЕТРУЧИО.

Ну, Катя, прямо начинай съ нея!

ЖЕНА ГОРТЕНЗИО.

Не станеть.

ПЕТРУЧИО.

Станеть. Начинай съ нея!

КАТАРИНА.

Фи! стыдъ! Разгладь наморщенные брови
И гнѣвныхъ взглядовъ не бросай на мужа
И господина: онъ твой повелитель.
Твой гнѣвъ мрачитъ красу твою, какъ холодъ
Мрачитъ луга, твою онъ портитъ славу,
Какъ вихорь почки. Дурно, неприлично!
Во гнѣвѣ женщина — источникъ мутный,
Лишенный красоты и чистоты —

И какъ бы жажда ни была велика
У человѣка, онъ его минуетъ.
Твой мужъ — твой господинъ; онъ твой хранитель,
Онъ жизнь твоя, твоя глава, твой царь;
Онъ о твоёмъ печется содержаньи,
Онъ переносить тяжести труда
На сушѣ, въ морѣ, въ бурю, въ непогоду —
А ты въ теплѣ, въ покоѣ, безопасна —
И никакой не требуетъ онъ дани,
А лишь любви, покорности и ласки —
Ничтожной платы за его труды!
Какъ подданный передъ своимъ монархомъ,
Такъ и жена должна быть передъ мужемъ;
Но если же упряма, своенравна,
Сурова, зла и непокорна мужу,
Тогда она — преступный возмутитель,
Измѣнница предъ любящимъ владыкой.
Стыжусь за глупость вашу. Вамъ бороться ль,
Тогда какъ вы должны молить о мирѣ,
Хотите властвовать — а ваше дѣло
Услуживать, любить, повиноваться.
Зачѣмъ же тѣло наше нѣжно, слабо,
Такъ неспособно выносить труды?
Не для того ль, чтобы сердца и души
Съ наружностью согласовались нашей?
Оставьте дерзость и безумство, черви!
Мой духъ былъ такъ же точно непреклоненъ,
Такое жъ сердце было, какъ у васъ,
И больше васъ имѣла я причины
На дерзость дерзостью отвѣтить мужу;
Но я увидѣла, что копья наши —
Соломинки, что сила наша — слабость
Безмѣрная; чѣмъ выше мы, тѣмъ ниже.
Смирите гордость: толку мало въ ней!
Склоните головы къ ногамъ мужей!
Скажи мой мужъ — и я предъ нимъ готова
Свою покорность доказать вамъ снова.

ПЕТРУЧІО.

Цѣлуй меня! Вотъ это такъ жена!

ЛЮЧЕНЦІО.

Ты счастливъ, другъ: она усмирена.

ВИНЧЕНЦІО.

Какъ весело, что дѣти такъ покорны!

ЛЮЧЕНЦІО.

Какъ горько намъ, что жены такъ упорны!

ПЕТРУЧІО.

Пойдемъ-ка спать; мы здѣсь позаболтались.
Женаты трое — двое ужъ попались;
Сегодня выигралъ я съ васъ не мало —
Затѣмъ покойной ночи. Наше взяло.

(Петручіо и Катарина уходятъ.)

ГОРТЕНЗІО.

Ступай: передъ тобой капризница смирилась.

ЛЮЧЕНЦІО.

Вотъ чудо! Какъ она перемѣнилась!

А. Островскій.

504

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «УСМИРЕНІЮ СВОЕНРАВНОЙ».

Дѣйствующія лица.

Въ числѣ ихъ находится ВДОВА. Такъ какъ потомъ на этой вдовѣ женился Гортензіо, то переводчикъ для большей ясности, слово вдова замѣнилъ двумя словами: жена Гортензіо, хотя въ подлинникѣ она называется вдовою. За однимъ или двумя исключеніями въ самомъ текстѣ.

Прологъ, сцена I.

Сляй...мы пришли въ Англію съ *Ричардомъ-Завоевателемъ*. Поэтому — *paucas pallabris*; пусть все идетъ своимъ чередомъ! *sessa*!

Въ приведенной здѣсь фразѣ, пьяный Сляй называетъ *Вильгельма-Завоевателя Ричардомъ-Завоевателемъ*, а вмѣсто испанской поговорки, весьма употребительной во времена Шекспира, *pocas palabras*, что значить — *меньше словъ*, говорить — *paucas pallabris*. *Sessa* (перестань) — другое испанское слово изъ лексикона Сляя.

Прологъ, сцена I.

1-й АКТЕРЬ.

Вы говорить изволите про *Сото*.

Въ изданіи 1623 года, вмѣсто *1-й актеръ*. было поставлено — *Синкло*. Синкло былъ второстепенный актеръ въ труппѣ Шекспира, и намекъ на

хорошее исполненіе имъ роли Сото былъ, вѣроятно, весьма лестенъ для него и пріятенъ для публики. О немъ упоминается еще въ 2-й части «Генриха Четвертаго» и въ 3-й части «Генриха Шестого».

Прологъ, сцена II.

ПАЖЪ.

Нѣтъ, ихъ матерія повеселѣе.

Сляй.

Какая жъ матерья — скатерть, что ли?

Здѣсь игра словъ: Stuff — содержаніе чего-нибудь, и household Stuff — домашняя утварь.

Дѣйствіе I, сцена I.

ТРАНИО.

Redime te captum, quia quefs minimo.

То-есть: Выкупай себя изъ плѣна, какъ можно дешевле.

Дѣйствіе I, сцена I.

ЛЮЧЕНЦІО.

.... я въ ней такую прелесть видѣлъ,
Какой дочь Агенора покорила
Юпитера...

Дочь финикійскаго царя Агенора, Европа, была похищена Юпитеромъ, явившемся ей въ видѣ быка.

Дѣйствіе I, сцена II.

ПЕТРУЧІО.

*Будь такъ гадка какъ рыцаря Флорентинья
Любезная...*

Это относится къ разсказу Гоуэра «Confessio Amantis», въ которомъ герой, рыцарь Флорентій, даетъ обязательство уродливой вѣдьмѣ жениться на ней, подъ условіемъ, что она научить его разгадывать загадку, отъ которой зависитъ его жизнь. Это — легенда очень древняя и довольно извѣстная.

Дѣйствіе II, сцена I.

ПЕТРУЧІО.

Мнѣ слаще встѣхъ конфектъ такая Катя.

Въ подлинникѣ здѣсь игра словъ: *dainties* и *cates* — сласти и *Kate* — Катя.

Дѣйствіе III, сцена II.

Какой онъ мужъ — мужикъ онъ безобразный.

Въ этомъ мѣстѣ въ подлинникѣ игра словъ: *bridegroom* — женихъ и *groom* — конюхъ.

Дѣйствіе III, сцена I.

ГРУМІО.

*Когда обрядъ вѣнчанья отошелъ,
Онъ попросилъ себѣ вина.....
Онъ разомъ выпилъ мускатель.....*

Обычай пить вино въ церкви послѣ вѣнчанья — очень древній, и въ Англии, во времена Шекспира, былъ почти всеобщимъ. При этомъ обыкновенно употреблялось вино, называемое *мускатель*.

Дѣйствіе IV, сцена I.

ГРУМІО. «Ну, Джекъ! ну, милый!»

Начало англійской круговой пѣсни, музыку которой Гоукинсъ приложилъ къ изданію *Variorum* Шекспира.

Дѣйствіе IV, сцена II.

ЖЕНА ГОРТЕНЗІО.

Кто угорѣлъ, предъ тѣмъ весь свѣтъ кружится.

ПЕТРУЧІО.

Отвѣтъ прямой.

Въ подлинникѣ здѣсь игра словомъ *round* (круглый, кругомъ) слово въ слово:

ЖЕНА ГОРТЕНЗІО. У кого кружится голова, тому кажется, что свѣтъ ходитъ кругомъ.

ПЕТРУЧІО. Отвѣтъ круглый (что значить и прямой отвѣтъ).

Тамъ же:

КАТАРИНА (женѣ Гортензіо).

Что значить ваша фраза?

ЖЕНА ГОРТЕНЗІО.

Она во мнѣ родилась черезъ него.

ПЕТРУЧІО.

Черезъ меня! Гортензіо что скажетъ?

(въ подлинникѣ: какъ это понравится Гортензіо?)

Здѣсь непериводимая игра словомъ *conceive* которое значить и зачать, т.е. забеременить и понимать. Слова жены Гортензіо можно перевести и такъ: Я поняла такъ черезъ него, и такъ: Я зачала такъ черезъ него. Этимъ двойнымъ значеніемъ слова объясняется восклицаніе Петручіо: Черезъ меня! Гортензіо что скажетъ?